

КТ1109804

Иван Панкеев

Сергей Орлов

Иван Панкеев

**Сергей
Орлов**

**«Писатели
Советской
России»**

**Москва
«Советская
Россия»
1988**

Оглавление

От рожденья до войны

5

Поэт вопреки войне

21

«Земля сама свои врачует раны...»

67

На третьей скорости

78

«И наш полет необратим...»

118

Заступник (Вместо послесловия)

136

Иван Панкеев

Сергей Орлов

Судьба
и творчество

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1988

Художник Е. В. Бекетов

От рожденья до войны

«Я родился в 1921 году в селе Мегра Белозерского района Вологодской области в семье сельских учителей. Отца своего не помню, он умер в 1924 году. Люди, знавшие его, рассказывают, что он был строгий учитель, добрый и веселый человек, уважаемый сельчанами.

Я рано начал ходить в школу, точнее сказать, на уроки в класс, так как мы жили в здании школы, где учительствовала мать.

Мне не нужно напрягать память, чтобы вспомнить детство: его можно увидеть и сейчас. Оно бежит берегами и пламенеет рябинами, лежит огромным слюдяным простором Белого озера, в тихие вечера синее бескрайними лесами, плещет зарницами, звенит дождями. Все это осталось таким же и по сию пору. Исчезли только подробности, но они очень похожи на подробности жизни многих мальчишек, родившихся в деревне...»

Так писал в 1968 году Сергей Орлов в краткой автобиографии, которую назвал «О себе».

Вологодчина... Удивительный край, словно созданный для произрастания в нем талантливых, самобытных, ярких художников. Одной только поэзии дала Вологодчина Александра Яшина и Николая Рубцова, Варлама Шаламова, Василия Белова, Ольгу Фокину...

Дала нам она и Сергея Орлова, ставшего затем од-

Панкеев И. А.

П16 Сергей Орлов: Судьба и творчество. — М.: Сов. Россия, 1988.—160 с.—(Писатели Советской России).

Автор этой книги молодой критик; для него война и послевоенное время — история. И книга эта интересна тем, что творчество поэта-фронтовика, поэта, который был «совестью поколения», его заступником, — добросовестно и заинтересованно исследуется автором. С уважением он относится к своему герою, показывая, как тесно переплелись в жизни Сергея Орлова стихи и поступки, судьба и творчество.

П 4603010102—261 КБ 12—22—1988

M-105(03)88

8P2

ISBN 5—268—00078—0

© Издательство «Советская Россия», 1988 г.

ним из честнейших ее певцов. Тема эта — поэт и его малая родина — неисчерпаема. Особенно когда речь идет о поэте, практически всю жизнь воспевавшем родные места и даже одну из последних своих книг назвавшем «Белое озеро».

Но повторюсь — тема эта особая, размышления должны быть основаны на творчестве поэта, а значит, и разговор волей-неволей приобретет ретроспективность. Цель этой главы скромнее — рассказать о детских и юношеских годах Сергея Орлова, о его первых стихотворных опытах, публикациях...

Здесь ели — словно колокольни
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты.
И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Плывет протяжный шум тресты —
Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...
О, край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

Мегра. Село большое — почти три сотни домов. Пароходом можно было добраться и до Вологды, и до Ярославля, даже до Ленинграда.

Вот как описывает первую свою встречу с Мегрой поэт Сергей Викулов, который тогда, в 1933 году, десятилетним мальчишкой прибыл с родителями на новое место жительства: «...село Мегра показалось мне необыкновенно большим, красивым и веселым до восторга! Канал, по которому вез нас пароход, влетал в Мегру как голубая стрела... Виден был с палубы и единственный на все село белый кирпичный дом, построенный, как мне стало потом известно, в ту пору, когда проклады-

вался канал (т. е. во время строительства Мариинской водной системы. — И. П.). В этом доме — и это я тоже узнал после — в двадцатые годы была школа... А в самом центре села виднелись пристань, отводная «лава», мост через реку, запонь, лесная биржа и лодки, лодки, плеск весел, скрип уключин, а в озере — белые паруса, а в устье реки — тоже белая, с высокой колокольней, церковь. Красотища!»

Можно понять восторг ребенка, впервые совершившего столь долгое и увлекательное путешествие. Но поэт Викулов, описывая тогдашнее свое состояние, дал нам и немало информации о селе, из которой следует, что Мегра — далеко не забытый богом угол. Тем более что неподалеку — Белоозерск. Тот самый древний город, о котором энциклопедии сообщают, что известен он с 862 года (до 1777 года назывался Белоозеро); в нем — каменная церковь Успения, построенная еще в шестнадцатом веке, появившаяся веком позже деревянная церковь Ильи. Более того, в тринадцатом веке город Белоозеро был столицей самостоятельного древнерусского Белоозерского княжества, раскинувшего свои земли по Нижней Шексне, у Белого и Кубенского озер.

Вологодчина, Русский Север... Поистине — диво дивное! Судите сами — Ферапонтов монастырь, расписанный Дионисием «с своими чады», Софийский собор в Вологде, там же — Спасо-Прилуцкий монастырь, да церковь Варлаама Хутынского, да церковь Константина и Елены, да... Так что коренные белозеры имели все основания гордиться историей своей земли, своего края. А мать Сергея Орлова, Екатерина Яковлевна Магаева, родилась в этом же селе.

Население Русского Севера всегда было относительно более грамотным, нежели крестьяне-землепашцы южных степей, — тому есть исторические объяснения. Не каждому родители могли дать хорошее образование, но стремление к этому было. Екатерине Яковлевне в этом смысле повезло: отец (к слову, тоже грамотный человек)

выучил ее. Поэтому не удивительно, что мальчик «рано начал ходить в школу, точнее сказать, на уроки в класс». То, что жить довелось в селе, которое уже в те годы имело медпункт, избучитальню, паровую мельницу, снабжавшую дома электричеством, возможность с раннего детства приобщиться к знаниям, к литературе, сыграло немалую роль в формировании Сергея Орлова. Тем более что и отчим (после смерти мужа Екатерина Яковлевна вышла замуж за И. Ф. Шарова) был учителем в той же в школе. По фамилии отчима и Сергея называли в селе Гунькой (ласкательное от «Сергунька») Шаровым.

Научившись читать, он редко расставался с книгой; любил рисовать; пытался изобретать и конструировать: от детекторного приемника до модели космического корабля... Зная С. Орлова в те годы К. Оношко, тоже учительский ребенок (ее мать преподавала в деревенской школе и часто приезжала на совещание в Мегру), вспоминает, что пока она и Ариадна (сестра С. Орлова) играли в куклы, «Сергей возился с машинами — невиданными игрушками в деревне того времени... Были у Сергея цветные железные трамваи, троллейбусы, автомобиль и даже танк... Может, эта с детства любовь к машинам и сделала его водителем-танкистом?»

Само по себе пристрастие к технике говорит о том, что Сергей рос не таким затворником-книжечеем, что ему было интересно и многое другое. Как и все мегринские ребята, он любил рыбалку. По воспоминаниям С. Викулова, «страсть к рыбалке поднимала не раз и его (Орлова. — И. П.) ни свет ни заря с постели и подарила ему не одну благословенную зорьку и ночной костер, когда, сговорившись заранее, ребята вообще не ложились спать и в темноте закидывали удочки и переметы, надеясь подцепить или голавля, или налима, которые в отличие от других рыб ночью не спали... Впрочем, рыба, как улов, как будущая уха или пирог, мегринских ребят занимала не очень, потому что в таком рыбацком селе, где почти каждый имел полный набор сетей для

лова и лодку, «достать» хорошего судака или леща не составляло труда. Мальчишек привлекала романтика таких рыбалок. Возле ночного костра так необычно звучали истории, то ли услышанные кем-то от взрослых, то ли вычитанные из книг».

В ранних, еще школьных (конец тридцатых годов) стихотворениях С. Орлова очень много говорится о реке, рыбалке, ночных кострах. Да и потом, какой сборник ни возьми, почти в любом — костры, родное Белое озеро, родная Вологодчина. Навсегда осталась в нем любовь к родным местам, к их красоте.

Множество прочитанных книг (при школе была библиотека, и Сергей мог пользоваться ею без ограничений) заряжало его энергией, которая требовала выхода. Так, видимо, после прочтения «Чапаева» появился акварельный портрет легендарного полководца. А школьные спектакли, где ставили даже пушкинского «Каменного гостя»!.. Но наиболее тесный сплав прочитанного в школьные годы и воплощенного потом в творчестве наблюдается в «космической» теме. (Об этом — разговор особый, сейчас хотелось бы просто обратить внимание на то, с чего началось одно из самых стойких, на всю жизнь, увлечений С. Орлова.) Вероятно, зная и раньше из книг о космосе и звездах, Сергей окончательно потерял покой и увлекся далекими мирами в 1934 году, когда в Мегринскую школу прибыл новый учитель Василий Платонович Нилов. Преподавая математику, Нилов сумел заинтересовать школьников и тем, что прямого отношения к его «профилю» не имело — художественной самодеятельностью, астрономией.

Мать поэта, Екатерина Яковлевна, рассказывает, что после долгих разговоров с Ниловым о звездах Сергей «прочитал все, какие имелись, книги по астрономии, и вскоре изложил Василию Платоновичу свою теорию о происхождении разума на Земле».

Это было одним из тех зерен, которые не просто проросли в душе, но затем на протяжении всей жизни

плодоносили,— из стихотворений, написанных Сергеем Орловым о космосе, ракетах, полетах, можно собрать отдельную книгу.

Писать стихи он начал рано, еще в школе. Будучи в пятом классе, уже «обнародовал» свои сочинения в стенгазете. Минуло ему тогда двенадцать лет. А уже в пятнадцать — он автор стихотворений, опубликованных в районной газете «Белозерский колхозник».

После окончания Мегринской семилетки Сергей Орлов перебрался в районный центр, в Белозерск, где была десятилетка, разместившаяся в большом белом доме — бывшем дворянском собрании. Год отняла болезнь, а в 1937 году в восьмом классе появился новый ученик — короткостриженный, русоволосый, общительный Сергей Орлов.

Как правило, говоря о начале поэтического пути Орлова, упоминают известное его стихотворение «Тыква», которое белозерский школьник послал на Всесоюзный конкурс, — там оно было удостоено первой премии и замечено К. И. Чуковским. (Несколько позже мы остановимся на этом случае.) Но это произошло в 1938 году, когда Орлов учился в восьмом классе. А до этого было написано уже немало добротных стихов. И не только написано — опубликовано!

Виолетта Степановна, вдова поэта, вспоминает, как однажды Сергей Сергеевич сказал, что первый свой костюм он купил на гонорар. Разыскав после его смерти публикации тех лет в местных газетах, она, показывая их мне, еще раз подтвердила: да, он много печатался, будучи еще школьником, вполне могло хватить не только на костюм.

Орловские стихи конца тридцатых годов... В них — дыхание времени. Ведь какое было время! — события в Испании, наступающий на Европу фашизм, — это тревожило; героические полеты советских летчиков — это вызывало гордость... Казалось бы, не под силу осмыслить это подростку. Но вот неизвестное еще широ-

кому читателю (из личного архива В. С. Орловой) стихотворение, датированное 1937 годом:

Я жить хочу и умереть
У опаленных перевалов,
Чтоб пушек пламенная медь
Мне марш последний прорыдала.

Я песен боевых хочу,
Чтоб в них звенела сталь оружия...

В них — искреннее чувство. А может, это — предчувствие? Ведь оно, предчувствие, свойственно большому поэту. Читая стихи С. Орлова, я не раз ловил себя на мысли, что о некоторых событиях и явлениях он писал до того, как они стали реальностью. Но сейчас речь о другом — о том, что и до «Тыквы», «В огороде» Орлов писал не только много, но и, что важно, — профессионально. Если можно отнести к пробе пера, к рабочему варианту зарисовку о рыбаке Иване Степанове (1937 г.), который

Удочки забрал и блесну,
И сачок с корзиной взял,
А потом с веселой песней
На рыбалку зашагал,

то никак не назовешь ученическими другие стихи (как опубликованные в свое время в «Белозерском колхознике», так и оставшиеся в рукописном варианте). Вот написанные округлым, еще детским почерком на пожелтевших от времени (полвека почти прошло!) тетрадных листках стихи. Помарок мало — видно, прежде, чем записать, все долго обдумывалось. Например, «Парашютист» (1937 г.):

Земля летит тебе навстречу
Зеленой смертью в грозный миг,

И ты летишь, вобравши в плечи
Еще не вырвавшийся крик.

Она несется, вырастая,
Она в ушах твоих гудит...
Но ты колечко вырываешь,
Как будто сердце из груди.

. . . . . : :

Не отсюда ли, не из этой ли, забытой памятью, но не забытой душой, чувствами, строчки проросло уже в 1977 году другое:

Земля летит, зеленая, навстречу,
Звенит озер метелью голубой.
На ней березы белые, как свечи,
Свист пеночки и цветик полевой.

Я землю эту попираю ногами,
К ней под обстрелом припадал щекой,
Дышал ее дождями и снегами
И гладил обожженную рукой.

Прости, земля, что я тебя покину
Не по своей, так по чужой вине,
И не увижу никогда рябину
Ни наяву, ни в непроглядном сне...

Что, казалось бы, общего между ними, разделенными четырьмя десятилетиями, кроме перекликающейся первой строчки? Оба они так и не были опубликованы при жизни поэта. Последнее из них Виолетта Степановна нашла записанным на клочке бумаги уже после смерти мужа. Благодаря ей мы познакомились с сотнями (это в наше-то время, когда в книги превращают все, вплоть до собственных записных книжек) произведений С. Орлова, которые при жизни он не об-

народовал. Вот и «Земля летит, зеленая, навстречу...» появилось в последнем томе собрания сочинений (1980 г.), да в составленном ею сборнике «В легкой песне берез...» (1982 г.).

Но сейчас мы — о тридцатых годах, о стихах той поры. Если тридцать седьмой год (именно в это время Сергей жил в Сестрорецком санатории, и у него было время и для чтения, и для стихов) можно назвать большей частью «рукописным», то последующие — тридцать восьмой и тридцать девятый — преимущественно «печатными». В одном только «Белозерском колхознике» появляются одно за другим стихотворения — «Памяти Чкалова», «Великий счет», «Счастливый путь» (о полете Коккинаки и Гордиенко, кстати говоря, им и посвященное), «На елке», «Краснофлотское», «У сопки Заозерной», «Нет преграды пилоту» (о беспосадочном перелете из Москвы в Мискоу), «Вчера в Белозерске», «Десятикласснику»...

Уже по названиям можно судить о том, что волновало тогда молодых, чем жила страна. Кстати, в последнем из упомянутых стихотворений есть строки, ставящие вновь и вновь задуматься о присутствии С. Орлова в даре предвидения:

Пускай тебе дадут суконный шлем
И ты шинель ремнем широким стянешь,
Я знаю: тополь старый над прудом
Ты не однажды с теплотой вспомянешь.

Никому из нас не дано знать, что будет завтра, через день, через год. Но, чувствуя время и болея за судьбу страны, человек видит себя частью своего поколения. А его поколению суждено было спасти страну и планету от фашизма.

Среди черновиков белозерского школьника Орлова есть строчки именно об этом — о том, что витало в воздухе, что было, быть может, еще неосознанно, предощущением судьбы:

Настанет час, ненастный и багровый.
Сверкнут штыки у дальних переправ.

(1938)

О том, что Сергей Орлов серьезно занимался поэзией уже в конце тридцатых, говорят не только опубликованные им стихи, но и его письма. Вот чудом сохранившийся листок: «спасибо вам за консультацию... Вот вы пишете, что «тоска в наши дни не получит признания». Я не хочу, чтобы ее признавали, но... по-моему, она должна иметь место, как и всякое человеческое чувство, ведь иногда можно и погрузиться. Я даже у Маяковского где-то читал, что человек, всегда улыбающийся, всегда бодрый, просто глуп. Да таких, по-моему, и не бывает в жизни... А Есенин, по-моему, очень сильный лирический поэт, учиться у него стоит».

Как видим, любимым поэтом в то время был Маяковский (когда за первое место на Всесоюзном конкурсе прислали премию — собрание сочинений А. С. Пушкина, Сергей, по воспоминаниям матери, даже огорчился: «Лучше бы Маяковского!»).

Не надо проходить и мимо самостоятельного суждения о творчестве Есенина — оно было высказано в те годы, когда есенинские стихи уже не издавались широко, а самого поэта называли «подкулачником».

Но С. Орлов стремился не подлаживаться под общепринятые оценки. Будучи еще подростком, он отстаивает право писать о любом состоянии человека.

В этом письме есть и еще несколько интересных мыслей: «Вы советуете подходящее стихотворение послать в «Костер». Думаю, что ничего из этого не выйдет. То одно стихотворение попало в печать просто случайно, и больше посылать стихи в журналы или газеты не буду... До печати мне очень и очень далеко, на то есть поэты».

«То одно стихотворение» — видимо, имеется в виду «Тыква». Публикация в «Правде», добрые слова «самого»

Корнея Чуковского, который, подводя итоги конкурса, привел в качестве примера все восемь строк:

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.
Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

Казалось бы, все основания есть для «головкружения», «задирания носа», тем более что К. И. Чуковский подметил точно: «Стихи обрадовали меня своей очаровательной детскостью. Так и видишь озорную физиономию их юного автора. Придавать динамичность неподвижному образу—эта склонность детского ума нашла здесь блестящее отражение». Но — «до печати мне еще очень и очень далеко, на то есть поэты». Скромность? Да, она всегда сопутствовала Сергею Орлову. Умение реально оценивать свои возможности? Видимо, и это тоже. Будучи уже известным поэтом, он, упомянув в автобиографии этот эпизод, напишет, что «не хотел теперь сдавать позиций».

По воспоминаниям друзей поэта, в редакцию «Белозерского колхозника» его привел Леонид Бурков, новый школьный товарищ. (Кстати, сам Бурков, будучи человеком скромным и лишенным тщеславия, уже спустя годы, в «Белозерском колхознике» (12.VII.1959) написал об этом так: «Это было за несколько лет до начала Великой Отечественной войны. В кабинет редактора газеты «Белозерский колхозник» зашел ученик средней школы № 2 Сергей Орлов и передал несколько стихотворений, написанных им. Стихи понравились, они были опубликованы в газете». В редакции, к счастью, сумели заметить свежий талант, — Орлову давали зада-

ния, публиковали не только его стихи, но и заметки, репортажи. В это время он стал членом литературного кружка. Незамкнутость в себе, общение с другими молодыми литераторами, оценка своих произведений (публикация в газете — чем не оценка!) — все это придавало уверенности в своих силах. Как вспоминает С. Видуков об одной из встреч в тридцать восьмом году с Орловым, тот «первым делом спросил: «Новые стишки есть?» У меня новых было мало — два-три стихотворения об осени и своем лесном озере... Он прослушал их и сказал: «Больше, Серега, надо писать, больше!»

Сказал убежденно, наставительно, поскольку, как я теперь понимаю, осознавал свое право на это: сам он в ту пору писал очень много, писал увлеченно...»

Готовя трехтомное собрание сочинений (до выхода которого в свет, к огорчению, он не дожил), Сергей Орлов в раздел «1938 год» включил всего два стихотворения — «Тыква» и «В огороде».

Это еще раз доказывает то, с какой строгостью подходил он к своему творчеству. Но говорит и о том, что написанные подростком стихи были удивительно свежи, метафоричны, образны. Достаточно процитировать лишь часть стихотворения, чтобы почувствовать запах зелени, лета, увидеть все, о чем пишет поэт, живым, радующимся солнцу, небу, жизни:

Горошек закрутил усы,
Он выглядит гусаром.
Напившись допьяна росы,
Стоит вояка старый.

Всё тянет к небу стебелек,
Цепляется за прутик...
Капуста смотрит и в клубок
Листочки в смехе крутит.

Но смех заметен не для всех,
Беззвучен он, как вечер.

Она рассыплет хрусткий смех
Лишь осенью под сечкой.

В этих строчках главное — собственный взгляд, живая душа, настроение, любовь ко всему, что описано. Именно эта любовь и оживляет «хрусткий смех», делает его слышимым.

Орлов читал много и вздумчиво. «Я не знаю, кто из учившихся в Мегринской школе (называли ее Мегорской) в те двадцатые-тридцатые годы выходил из нее без любви к художественной литературе России. И сын такой мудрой учительницы, конечно, не мог являться исключением. Наоборот, он имел счастье впитывать богатство русской словесности больше нас», — пишет о том времени давний друг С. Орлова Борис Пидемский. Знание классики, творчества лучших русских и советских поэтов не могло не сказаться: поэтому к своим стихам Сергей относился серьезно, требовательно. Уже после десятилетки, встретившись со школьным товарищем Иваном Бузиным (впоследствии секретарем Белозерского РК КПСС), на вопрос: «А как дела со стихами?» — Орлов ответил: «Так, пустяки, писал немного. Вот поступлю учиться, увижу, будет ли получаться».

А к этому времени написано было не так уж и мало... Независимо от того, как сам С. Орлов в то время относился к своим стихам, они, помимо его желания, объективно уже существовали. Более того — с началом публикаций они стали фактом литературы. Это необходимо подчеркнуть: потому что некоторые издания (например, газета «Советская Молдавия» от 30.XI.1961 г.) писали, что «творческая деятельность С. Орлова началась в середине 40-х годов». А к середине сороковых Орловым было написано многое из того, что вошло в историю советской поэзии, в том числе «Костер» (1942), «Жарбусель», «После марша», «Потомок наш о нас еще вспомнит...» (1943), «Его зарыли

в шар земной...» (1944),— всего не перечислить. Так что никак не могла его творческая деятельность начаться в середине сороковых. Она могла только продолжаться, развиваться. Вологодский критик В. Оботуров упоминает, что в конце тридцатых годов Орлов публиковал стихи в районной газете «Белозерский колхозник», областной «Красный Север», в «Комсомольской правде». Пишут об этом и В. Коробов, и Валерий Дементьев. Некоторые критики исходят из того, что «он действительно не попал в предвоенную литературную когорту, в круг званых молодых поэтов, людей, ощутивших себя творцами нового стиля. Не успел. Они до хрипоты спорили в аудиториях московских вузов, а он еще кончал школу в тихом Белозерске... Они писали о Планете, об Истории, о Грядущем. А он писал о тыкке, которая лежит в огороде рядом с брюквой «и, кажется, вот-вот от счастья громко хрюкнет и хвостиком махнет» (Л. Аннинский). Вряд ли можно согласиться с этим утверждением: как мы уже могли убедиться, Орлова в те годы волновало и многое другое.

И прежде всего потому нельзя согласиться с подобным утверждением, что из него следует другое — довоенный Орлов якобы поэтом еще не был.

Но — Орлов *родился* поэтом, а к сороковым годам он им и *стал*. Сгоревшую в первые военные дни в Петрозаводске книжку стихов надо ведь было подготовить (а, судя по темпам ее прохождения, она была далеко не средней, заинтересовала издательство). Печатался в то время Орлов и в центральных издательствах, во втором номере альманаха «Звено», выпущенного «Советским писателем» в 1940 году, были стихи и Сергея Орлова.

...До начала войны оставался год. Окончив в Белозерске десятилетку, Сергей Орлов решил продолжить образование в Петрозаводском университете, куда и отправился летом 1940 года.

Детство закончилось, навсегда оставшись в Мегре и Белозерске.

Сейчас, к сожалению, пока мало изучен тот небольшой период творчества Сергея Орлова (Петрозаводск, университет, 1940—1941 гг.), хотя, несомненно, его стихи публиковались в местной печати. Имею в виду произведения, которые поэт не включал потом в книги.

Продолжая серьезно интересоваться историческими открытиями и космосом, он много размышлял о прошлом и о будущем, о судьбе человека и судьбах человечества. С одной стороны, этому помогает учеба на историко-филологическом факультете, с другой — самостоятельное изучение истории родного края.

Так появляется в 1940 году стихотворение «Копье» — о найденном археологом в окаменевшем дубе копье, которое метали предки «перед охотой, детям в назиданье». И тут же является столь характерный для лирического героя поэзии С. Орлова размах:

...Силен был человек —
Из каменного века предок этот
Копье закинул в наш двадцатый век.

И тогда же, в стихотворении, написанном совсем о другом («На огороде» — лирическая зарисовка), вдру молнией в будущую космическую тему сверкнут строки:

А я, как бы на мир иной планеты,
Глядел на все и заслонял светила.

Так продолжал он возвращаться к мотиву, к своей фантастической гипотезе о внезапном происхождении человека, — мотиву, который с годами будет развиваться и выльется в большой поэтический цикл...

Но наравне с этими глобальными темами, наряду со многими стихами о родной природе («В моем Белозерье», «Далеко мое село Мегра...», «Водолаз», «По

привычке дома не сидится» и др.) появляются в 1940 и особенно в 1941 году стихи, наполненные предчувствием беды, грозы, войны. Если белозерский школьник в тридцать восьмом году мог писать о будущих боях потому, что все говорили о них, то теперь петрозаводский студент не мог не писать о них, потому что сам предчувствовал их.

«Когда началась война, мы, студенты университета, вступили в истребительный батальон». (Из краткой автобиографии «О себе».)

Для него война еще не началась — война, состоящая из того неописуемого ужаса, который станет затем повседневностью. Сначала был истребительный батальон, созданный из студентов университета. Только только закончен первый курс, сданы зачеты и экзамены. Когда он теперь будет, второй курс? Будет ли?.. Учились стрелять. Надерное, никто из них и не думал, что знания эти так скоро пригодятся: через три недели добровольцы уже сражались с наступавшими на Петрозаводск финнами. Взрывы, стрельба, бомбы, убитые, раненые... Война, с которой можно было и не вернуться живым. Но это было только началом. Потом, спустя годы, подсчитают: всего трое из ста доживут до поры, когда,

Милой родиной околдованный,
Встал солдат и вздохнуть не смел.
Все, что в дымной дали горячечной
Только сердцем он видеть мог,—
Нэ приснившееся, настоящее —
Расстиралось у самых ног.
Вот дорога, в ромашках торная,
Та, которой до смерти рад...
Край родимый, вся жизнь просторная —
Наивысшая из наград.

До награды — орденом, медалью, Победой — было еще далеко...

Поэт вопреки войне

В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.
Но лучше прийти
с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.
Михаил Луконин

Когда-нибудь и мы домой приедем,
А если нет, пускай тогда о нас
Домашние, знакомые, соседи
Своим детишкам поведут рассказ.

О том, как мы в сражения ходили,
Любили жизнь и пали потому,
Что больше жизни родину любили,
Ее не уступая никому.

Сергей Орлов

После того как истребительный батальон, в котором поэт прошел боевое крещение, расформировали, С. Орлов направился в Петрозаводский горвоенкомат. Вышел уже танкистом. Впрочем, мог бы выйти и летчиком (ему предложили выбор). Война только началась — шел август сорок первого, — но уже было видно, что «малой кровью, могучим ударом» ее не завершить. Все чаще звучало в приказах: «до последнего...» — до последнего солдата, до последнего дыхания, до последней капли крови. И там, где служил красноармеец Сергей Орлов — под Ленинградом, — это тоже чувствовалось. Один за другим оставляли населенные пункты. Говоря о том времени и о состоянии поэта в то время, Валерий Дементьев верно подметил: «Предчувствуя, что город Пушкин, бывшее Царское Село, будет оставлен нашими войсками, и воспользовавшись коротким затишьем, Орлов обошел продыmlенные руины города, аллеи с вывороченными вековыми

визами, побывал у знаменитых прудов, со дна которых взрывами поднялась тина и всякая грязь, постоял возле Екатерининского дворца и Царскосельского лицея, уже обреченного и все-таки бесконечно отрадному сердцу русского человека. И здесь, в полном одиночестве, он не удержался от слез, навернувшихся на глаза, не мог подавить вздох при виде этого разрушения и распада».

Но тогда он видел пока еще только ужасающую несправедливость и варварство. Увидеть лицо войны вблизи — глаза в глаза — доведется вскоре.

В это время наряду с мотивами любви к Родине, воспоминаниями о природе Вологодчины появляются и другие, продиктованные реальной действительностью. Если в стихотворении «Как на Родине? Осень» С. Орлов, с чувством любви и одновременно грусти описывая дорогую его сердцу сторонку, подмечает:

Только мне-то не скоро,
Обойдя все пути,
По родимым просторам
Легким шагом пройти,

потому что,

Как знамена, рябины
Нас зовут на войну,

то в другом стихотворении той же поры война уже присутствует не только явно, зримо, наглядно, но и — как близко увиденная, прочувствованная.

А где-то там, за Вологдой зеленой,
В лесах родной затерян городок.
Мамаша ждет, наверно, почтальона:
Не шлет ей что-то весточки сынок.
Опять дорога письма затеряла.
Тяжелые бои идут вокруг.

Никаких внешних эффектов. Тяжелые бои, которые «идут вокруг», подразумевают не только то, что могло

затеряться письмо, что плохо ходят поезда, что почта не справляется. Подразумевается и другое — быть может, уже некому и написать-то письмо.

Это был для поэта период перехода от мирной жизни к военной. Заметим, что говорим мы о красноармейце Орлове, т. е. о рядовом 12-го запасного танкового полка, у которого было немало забот и обязанностей, предписанных уставом. О том, что он пишет стихи, почти никто не знал. И если Орлов-солдат мог и должен был быть готовым к изменению обстановки, то Орлову-поэту на это требовалось время: не только увидеть, прочувствовать, но и — осмыслить, сопоставить, выразить.

Показательно небольшое стихотворение «Дождь», написанное Сергеем Орловым в сентябре 1941 года, когда шли бои под Ленинградом:

Осень. Листья на панели.
Город в тучах над Невой...
Проникает сквозь шинели
Дождь осенний затяжной.

Только пусть, под ветра свисты,
Льет холодный он и злой.
«Каково сейчас фашистам?»
А для нас он свой, родной!..»

Говорят, дома и стены помогают. С этим выражением явно переключается орловское восьмистишие, в котором и ненависть к врагу, и готовность вытерпеть все, лишь бы фашистам было хуже, и зарисовка тогдашнего «города в тучах над Невой». Но в то же время поэт все больше и больше размышляет о предстоящем бое, в который он должен идти. Лирический герой стихотворения «Граната» пытается предвидеть свое поведение:

Если в бой пойдут ребята
И пойду я с ними в бой,—

Ты очистишь мне, граната,
Путь в бою перед собой.

А окружит враг проклятый,
Не прорваться из кольца,—
Ты спасешь меня, граната,
От позорного конца.

Шел сорок первый год. Тяжелым он был для всех, но все, кто участвовал в боях на Карельском перешейке (как, например, Михаил Луконин), имели все же более богатый жизненный опыт, для них это была уже вторая война. Двадцатилетним же необходимо было пройти испытание войной, испытание соседством со смертью.

«В армии был рядовым, сержантом, курсантом, лейтенантом, гвардии старшим лейтенантом»,— напишет затем о себе С. Орлов, не останавливаясь в перечислении на том, чем был заполнен промежуток между «сержантом» и «лейтенантом». Но биография настоящего поэта — в его стихах. Будучи уже известным, Сергей Орлов имел полное моральное право повторить вслед за Сергеем Есениным: «Что касается остальных автобиографических сведений — они в моих стихах».

Именно поэтому, говоря о поэзии Орлова, мы ссылаемся на реальные жизненные ситуации, а, исследуя его биографию, находим подтверждение ей в стихах. Стихотворение «Через края основных станций...» было написано поэтом в самом конце сорок первого года. Герой совершает не близкий путь по железной дороге («Невидимую нить пространства мотал локтями паровоз...»). Путь этот совершается в те края, где

Встал семафор на снежном склоне,
Урал открыв из-под руки.

Именно в конце сорок первого, в декабре, было принято решение направить сержанта С. Орлова в числе

других, считавшихся уже опытными, бойцов, на командирские курсы. Так он оказался в Челябинске, городе, который тоже оставил свой след в творчестве поэта. «Вообще, что касается фактов личной биографии, Орлов часто проявлял исключительную сдержанность, если не сказать — замкнутость. Он не умел и не любил рассказывать про свою жизнь так, как об этом рассказывают многие: воодушевляясь все больше и больше», — отмечает давно и хорошо знавший Орлова критик Валерий Дементьев. Судя по тому, что относительно долгом пребывании Орлова в Челябинске сам он практически не говорил, так оно и было — «проявлял исключительную сдержанность». Потом, несколько позже, станут известны стихотворения того периода. Среди них — «Дымные твои просторы...», «Осень», «В землянке» («Что ж молчишь ты, товарищ бедовый...»), знаменитые «Костер» и «На ночлеге...». Герой этих произведений пытается осмыслить действительность, его окружающую. Здесь, как, впрочем, и в большей части своих стихов, Сергей Орлов дает точные координаты, точное описание. Вот прощание с Челябинском, «грозным городом оружейников», из которого уходят на фронт танки:

Рвется в двери хвои запах,
Пролетают полустанки.
Мчит без устали на запад
Эшелон тяжелых танков.

И от гор до самой Волги
Над землей февральской снежною
Люди смотрят взором долгим,
И растет в сердцах надежда.

Передаю не только состояние стремительного движения на запад, к местам боев, на фронт, но и та самая надежда, которая «растет в сердцах» провожающих. Надежда на победу.

Мотив дорог, ведущих с востока на запад, дорог, по которым тысячи людей едут на войну, мотив расставаний в этот период наблюдается в поэзии С. Орлова особенно явно. В «Осени», дав описание осиротевших деревень, расставания, Орлов снова обращается к образу русской женщины-матери, наделенной великим терпением. Она

На поезд смотрит без движения,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?..

Здесь и влияние фольклора, народных сказаний, былии, и их сближение с современностью.

Мать простого солдата, олицетворяющая собою Отчизну, Родину, — этот образ далеко не случаен: может погибнуть один, сто, тысяча конкретных сыновей, провозжаемых конкретными матерями. Но сыновья России бессмертны: пока хотя бы один из них жив, жива и она. Не зря в этом же стихотворении, описывая провозание, автор обращается и к явлениям природы, которые тоже не могут быть равнодушными, — ведь речь идет о родном и о возможности великого горя — потере этого родного навсегда. Поэтому строки воспринимаются и как благословение.

Подчеркнутые отсутствием для поэзии такого рода традиционных образов матерей, жен, любимых («Над красноватым эшелон Дымки — прощальные платки»), появляются в стихотворении

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора.

Как будто мир пришли оплакать
Кричащие в полях ветра.

Это «как будто» — еще не неизбежность, но уже возможность, вероятность оплакивания, вероятность гибели тех, кто едет в эшелоне на фронт.

Традиционная тема дороги, но уже с более оптимистическими нотами возникает и в стихотворении «В землянке». Пытаясь отвлечь товарища от горестных дум, герой убеждает его в том, что

И к родным белозерским березам
Нас еще унесут поезда.

Одно из значительных, глубоких произведений сорок второго года — стихотворение «На ночлеге». Отталкиваясь, казалось бы, от частного, единичного случая, автор приводит читателя к обобщениям, к мысли о народе, о помощи народа своим защитникам, о единстве армии и народа, особенно проявившемся в тяжелые военные годы.

День короткий, путь нелегкий,
А над домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонек.

Самовар золотозубый,
И медали на груди...
«Скидывай, ребята, шубы,
В красный угол проходи!»

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе — как в дом к себе.
Может, взвод располагает
Твой мужик в моей избе...

Как видим, и здесь — едва ли не умышленное отсутствие метафор, эффектных сравнений. Разве что зовет улыбку «скидывай, ребята, шубы»: какие там шу-

бы — шинелишка, всеми ветрами продуваемая. Не зря ведь первое, что бросилось герою в глаза — «самовар золотозубый» — отогреться бы. Но при внешней простоте, незамысловатости стихотворение несет в себе большой эмоциональный заряд, заставляет задуматься. За двенадцатью строчками сразу же видишь живую, дорисованную воображением картину: мороз, пар, вырывающийся из избы, входящие в избу солдаты, вопросительный взгляд молодой хозяйки: «с добром ли пришли?», громкий, умышленно громкий от стеснения, говор героя, поясняющего цель «визита». Это целый рассказ о житействе солдата.

Через два месяца после прибытия на краткосрочные курсы С. Орлов был уже лейтенантом.

Именно в 1942 году и именно в Челябинске вышла первая книжка стихов С. Орлова «Фронт». Впрочем, интересна не столько сама книжка, сколько то, что и критики, и сам Орлов о ней практически не вспоминали. Допускали также, что Сергей Орлов этой книги никогда не видел. Но совершенно точно известно, что экземпляр «Фронта» у поэта был. А не говорил он о книжке по вполне понятным причинам — он перерос ее еще до того, как она вышла. Впрочем, давайте сами откроем обложку брошюры, на красном фоне которой — штык и клубы дыма. На обложке значится: «С. Тельканов, Сергей Орлов. Фронт. Стихи. ОГИЗ. Челябингиз, 1942».

Судя по тому, что книжка подписывалась к печати 8.07.1942, сам Орлов вполне мог принимать участие в ее подготовке (т. е. менять стихи, работать с редактором, читать верстку и т. д.).

С. Тельканов представлен в книжке одиннадцатью стихотворениями, С. Орлов — шестью: «На Запад!», «В землянке», «Подбитый танк», «Издали рвякают гулкие пушки...», «Когда-нибудь и мы домой приедем...», «Письмо» («Вот сижу я с твоим письмом...»). Написанные в течение того же сорок второго года (вернее, его первой половины), не все они, естественно, были оди-

наково удачными. И все же два из тех шести С. Орлов постоянно включал затем в свои сборники и даже в собрание сочинений («Письмо» и «Издали рвякают гулкие пушки...»).

Издали рвякают гулкие пушки,
Люди не спят в этом раннем часу.
Танки стоят на зеленой опушке,
Словно слоны в африканском лесу.

Так вот и кажется, хобот вздымая,
Вдруг затрубят от звериной тоски.
В чаще лесной, среди зелени мая,
В горькой полны лежали стрелки.

Душу гнетет ожиданье, томленье.
Черт его знает, как время ползет!
Скоро ли, что ли, приказ в наступленье,
Чтобы — вперед! Без раздумья — вперед!

Конечно, в этом стихотворении можно найти неточности (лучше сказать «в этот час», чем «в этом часу», «танки... словно слоны» — слишком отдаленное сходство). Не надо думать, что такой поэт, как Орлов, сам не видел их. Видел и, вероятно, мог бы переделать стихотворение, если бы считал это нужным. Но он считал более важным — сохранить дух того времени, его веления и требования. Передано то состояние предела терпения, когда, кажется, нет уже сил стоять на месте, без движения. Готовы «затрубить» танки, рвякают пушки, не спят люди, «душу гнетет ожиданье»... Все находится в ожидании, вернее, в жажде движения — движения целенаправленного, наступательного, «чтобы — вперед! Без раздумья — вперед!».

Бывший тогда в Челябинске М. Львов вспоминал потом, что «в первые дни войны, в здании Челябингиза Л. В. Никулин, держа в руке рукописную тетрадь, ходил взад-вперед по огромной (и единственной) комнате

издательства и восторженно говорил о полученных по почте стихах неизвестного танкиста Сергея Орлова. Рукопись называлась «Перед атакой». «По условиям тогдашнего «бумажного голода», — вспоминает М. Львов, — Челябинское издательство объединило две рукописи — стихи Сергея Орлова и Сергея Тельканова — и выпустило отдельной книгой».

Вероятно, во время пребывания в Челябинске С. Орлов был очень занят: сначала учеба, затем сразу же обучение вновь прибывших. В то же время, зимой 1942 года, был в Челябинске и В. Субботин. Он рассказывает, что танкисты прибывали в город затем, чтобы получить выпускаемые тогда в Челябинске танки «КВ». Более того — иногда доводилось собирать танки самим, поэтому «все мы были одинаковы, в одинаковых танковых шлемах, очень холодных, в ватниках и полуботках, вымазанных в тавоте и газойле». В любом случае и устав, и военное время не предусматривали досуга, — успеть бы только выспаться. Тем более достойно уважения то, что и в этих условиях Орлов писал стихи. Писал потому, что иначе не мог — душа требовала. Наверное, в минуты раздумий о доме, о семье появилось и стихотворение «Письмо», герой которого, читая письмо от матери, вспоминает:

Медной лампы огонь скупой,
Вижу, в комнате нашей горит,
И с тетрадями столик твой,
И сидишь ты за ним до зари.

Но до возвращения в родной городок необходимо «много пройти дорог, Много битв, много трудных дней», и поэтому герой стихотворения, спрятав письмо в боковой карман на груди, готов преодолеть все преграды и невзгоды: он знает, что его ждут, что есть кому подумать о нем.

Иногда, говоря о творческом пути Сергея Орлова, исследователи, как о бесспорном, говорят о том, что

«Третья скорость» — первая книга поэта. А по сути, она — третья, если учесть, что первая сгорела (будучи уже почти готовой) в Петрозаводске, вторая — «Фронт».

Уже после смерти Сергея Орлова было опубликовано не только много его стихотворений, но и прозаических отрывков. Среди них и датированный 1946 годом (т. е. годом издания книги «Третья скорость»): «Третья скорость — боевая скорость. На третьей скорости водили в атаку танки «КВ» мои друзья-однополчане, добывая трудную победу пехоте в лесах и болотах Волховского и Ленинградского фронтов.

О суровой танкистской жизни, о друзьях-погодках писал я стихи во время войны на досуге в перерывах между боями. Немало их накопилось в блокноте к тому дню, когда на землю пришел мир и прозвучало великое светлое слово «Победа».

И когда я собрал стихи, получилась книга о танкистах, о нашей боевой жизни, под названием «Третья скорость»...»

Да, С. Орлов ворвался в литературу «на третьей скорости», но входил в нее постепенно, учась и ошибаясь, радуясь и огорчаясь. Так что вполне вероятно, что «первой скоростью» могла быть петрозаводская книжка, «второй» — челябинская, и «третьей», действительно боевой, — известная ленинградская, с которой и принято начинать разговор о творчестве Сергея Орлова.

Другое дело, что война научила и заставила не только ценить жизнь, но и глубже понимать ее, задумываться над тем, что такое «Родина», «Отечество», «жизнь», «любовь», «вечность»... То, на постижение чего в обыденной жизни отводится десять или более лет, война спрессовала до дней. Не зря же о фронтовиках говорили, что к сорок пятому году они стали старше не на четыре военных года, а на целую войну.

Но «третья скорость» и «стремительный взлет» относятся все же, думается, к Орлову сорок третьего —

сорок четвертого годов больше, чем к Орлову первых полутора лет войны. И это тоже вполне естественно, так как к сорок третьему году в нем слились воедино мастерское владение формой стиха и способность наполнить эту форму удивительным по силе содержанием. О сорок третьем годе речь идет потому (всякое деление, понятно, условно), что только в конце сорок второго, судя по письму к матери, Сергей Орлов отбывает вместе с экипажами танков из Челябинска на фронт. Будни войны, колоссальная физическая и эмоциональная нагрузка, резкая смена обстановки, постоянно присутствующая тревога, — все это не могло пройти бесследно, все это требовало «формы», которой и явились стихи.

Конечно, не война породила поэта: об этом говорил и он сам, и многие из его поколения. Как верно сказал Михаил Дудин — не война «дала нашей поэзии блистательную плеяду ровесников Сергея Орлова, таких, как Сергей Наровчатов, Семен Гудзенко, Георгий Суворов, Александр Межиров, Мустай Карим, Кайсын Кулиев, Михаил Луконин. Нет, они стали поэтами вопреки войне». (Выделено мною. — И. П.)

Именно «вопреки войне», показывая ее жестокость и бесчеловечность, но, воспевая мужество и силу духа советского человека, стал поэтом и Сергей Орлов. Впрочем, уже сам по себе факт рождения стихов не в кабинетной тишине, а среди грохота взрывов говорит о том, что писались они вопреки войне, утверждая своим появлением негибимость человека, его волю к жизни.

Вернувшись из Челябинска в воинском звании «лейтенант» и в должности командира экипажа тяжелого танка «КВ», Сергей Орлов в феврале сорок третьего уже числился в составе действующего на Волховском фронте 33-го отдельного гвардейского танкового полка прорыва. А спустя месяц... Спустя месяц была Карбусель.

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних земель
Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые сосны спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбусель!

Подспудно, невидимо еще, но уже ощутимо живет, теплится в этом стихотворении другое произведение — «Его зарыли в шар земной...». Потому что и здесь уже «вскрыли черную грудь земли» для того, чтобы положить в нее погибших солдат.

Вот что вспоминает об этой атаке бывший коман-

дир роты тяжелых танков И. Григоренко: «Требовалось занять высоту, на которой когда-то стояла деревушка. Бой выдался тяжелый. Танки не имели простора для маневрирования, а немцами вся местность хорошо простреливалась. Я поддерживал с Орловым связь по радию. Он докладывал, что разбил две вражеские противотанковые пушки, а третью обнаружить не смог.

Из того боя не вернулись многие наши товарищи. Их памяти и посвятил Орлов свое известное стихотворение «Карбусель».

Конечно, и раньше война для С. Орлова, как и для всех, шла. Но под Карбуселью впервые довелось ему не только стрелять самому, не только чувствовать, что и в него целятся и стреляют, но и видеть, как гибнут товарищи, с которыми только недавно успел сдружиться. Смерть танкиста — это страшная смерть: люди горят живыми или, выпрыгивая из горящего танка, падают под пули врага, держащего каждую машину в поле зрения.

Стихотворение «Карбусель» С. Орлов написал ночью 18 марта 1943 года, — в тот день высота не была отбита у противника, и поэтому обещанием, клятвой звучит последняя строка: «Завтра мы возьмем Карбусель!» Стихотворение он прочитал утром, когда проснулись товарищи.

Это был первый в его жизни наступательный бой — ожесточенный, кровавый, страшный.

«Никаким приказом нельзя заставить человека вынести то, что выше человеческих сил. Но человек выносит, и это называется подвиг», — размышляет о природе героического член-корреспондент АН СССР, генерал-лейтенант П. А. Жилин. То, что делали в сорок третьем (и не только в сорок третьем) танкисты (и не только танкисты) зачастую было «выше человеческих сил». И если тогда они не позволяли себе называть будничным героизм подвигом, то сейчас, спустя десяти-

летия, мы давайте честно еще раз признаем: да, тогда, там, они ежедневно совершали подвиги.

Читатель, вероятно, обратил внимание на то (я старался подчеркнуть дату), что стихотворение «Карбусель» было написано ночью 18 (вернее, в ночь с 18 на 19) марта 1943 года. Но есть у Сергея Орлова стихотворение, которое называется «Это было 19 марта 1943 года». В этот день шла повторная атака Карбусели, тяжелый бой. Вчитаемся в этот документ времени: стараясь быть беспристрастным (на самом деле это невозможно), лирический герой, а вместе с ним и автор с репортажной точностью говорят о событиях дня. В прозаической есть все: география — «Над Ладогою шла весна», время — «был март», «с пяти до десяти была артподготовка», даже погода — «снег ложится мокрый». Дано и точное описание боя, его сила и последовательность: сначала артподготовка, такая, что

Сосны срезав,
Передний край врага мела
Гроза огнем, свинцом, железом...

Затем — «сигнал атаки прозвучал», и пошли в бой танки:

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,
Взглянул — сожженная дотла,
Земля лежала правдой страшной...

Сожженная, в гари и копоти, в воронках и следах, в пепле, земля должна быть черной (она и была такою), и рука сама выводит «земля чернела правдой страшной», но правда, какой бы горькой она ни была, не

может быть черной, и появляется — «земля лежала правдой...».

Бесстрастное повествование о том, как проходил бой за высоту. Но заканчивается оно строками поистине трагическими:

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

Вот она, «правда страшная»! Орлов не сообщает, сколько и как погибло пехоты, сколько было подбито танков. Но строчка — последняя строчка! — что на земле этой «и колос, может, не родится», выдает поэта истинного.

«Он был символом своего поколения, огненной заглавной буквой книги о его судьбе», — писал хорошо знавший поэта по совместной работе в секретариате правления СП РСФСР Н. Шундик.

Легендарность С. Орлова и эта неизбежность стать «символом своего поколения» начались именно тогда, весной сорок третьего, на Волховском фронте. Надо сказать, что полк, в котором служил Сергей Орлов, принимал участие в самых серьезных операциях, более того, именно для них он и был предназначен, поскольку являлся резервным полком тяжелых танков «КВ», находившимся в ведении Главного командования.

Легендарность Орлова начиналась в боях за Карбусель. А впереди ждали бои за Мгу (кстати говоря, после взятия города полк стал называться Мгинским), за Псков...

Да простится мне небольшое отступление — оно, на мой взгляд, имеет самое непосредственное отношение к одному из стихотворений С. Орлова, созданному в 1943 году.

Не так давно Гарий Немченко рассказал о своем знакомом экстрасенсе, который, грубо говоря, мог

определить «положительно эмоциональный» или «отрицательно эмоциональный» заряд вещи. Писатель дал с этой целью экстрасенсу чугунный брусок. Оказалось, кусок холодного чугуна, пролежавший несколько лет на столе, имел в себе мощнейший положительный, благотворный заряд, — именно поэтому хозяин и любил работать, поглядывая на брусок. В чем тут дело? И вдруг Немченко вспомнил: это был первый чугун, которого все ждали. Вот он хлынул, его залили в форму, и, не успевший еще охладиться, брусок пошел по рукам — всем хотелось поддержать его, чугун, ради которого строили домну. И вот заряд добра, честности, благих намерений сохранился в чугуне.

Не знаю, насколько все сказанное правда: в экстрасенсов не верю, а Гарию Немченко верю. Но, читая небольшое, из шести строк состоящее стихотворение Сергея Орлова, я все время думаю о «заряде». То был заряд надежности для танка и заряд ненависти для снаряда, заряд нежности и тепла для одежды, идущей на фронт...

С броней танкисты дружат третий год.
Она в боях ребят не подведет.
Ее отцы и деды на Урале
Сварили сами, сами отковали,
И матери на тихих полустанках
Крестили поезд, в бой везущий танки.

Есть что-то в материнском благословении и в отцовских чувствах, что делает и неодушевленный металл родным, одушевленным.

Когда Сергей Орлов почти «с природы» писал стихи, героями их были те, кто окружал его, те, с кем он вместе воевал. Но прошли годы, появилась возможность окинуть взором прожитое и созданное, и вот уже В. Рождественский отмечает, что «герои С. Орлова просты и вместе с тем они не лишены черт подлинно

эпического величия, как и подобает творцам героической эпохи». Об этом же, в сущности, писала и газета «На страже Родины» в 1965 году: «Если попытаться одним словом определить направление поэзии Орлова, то более точного слова, чем мужество, не найти. Поэт рисует войну без прикрас, без звона фанфар. В его стихах война — это суровейшее испытание моральных и физических сил, которые неизменно находятся у советского человека, сознающего свою личную ответственность за счастье Родины».

Герои С. Орлова действительно — живые, человеческие, понятные нам, они в то же время — творцы истории, эпохи. На их долю выпали испытания, перенести которые и остаться при этом человеком, сохранившим в душе добро, величие, человечность, дано не каждому. Но они сумели и пережить, и сохранить. Или, как пишет М. Лобанов, «в этом и сила русского характера — в неистребимой человечности, несмотря ни на какие превратности и удары судьбы».

Показывая чудеса выдержки и мужества, русский солдат демонстрировал одновременно и другое чудо — чудо жизнелюбия и человечности; грязь и кровь не прилипали к его душе. Креп, закалялся характер солдата, но не делался он мстительным и злобным, хотя, казалось бы, страдания и боль должны были привести к этому. Но энергия, обращаемая другими в злобу и человеконенавистничество, здесь обращалась на самоуглубление. Дело и в национальном характере, и в той великой гуманной миссии, которую выполняли советские солдаты. И в том, что «война, помимо всего прочего, это еще экзамен на человечность, ежедневный, ежечасный экзамен. И не только тогда, когда идет бой, но и в условиях повседневности, за кажущейся простотой которых таится сложность человеческих отношений, отягощенных жестокими принципами обязательной взаимовыручки» (А. Ланциков).

Бывают ситуации, когда люди совершают столь ве-

ликие поступки, что для их осознания необходимы и время, и силы, и понимание масштаба сделанного. Орловские же строки, обращенные к потомкам, появились еще в 1942 году, до Карбусели:

Как пулеметная строка,
Ложитесь на бумаге, строки,
Лети, мой стих, издалека,
Все пережив на свете сроки.

Не ради слов, не славы для,
Явись к потомкам и поведай
О нас, пусть вспомнит нас земля
В час искупленья, в час победы!..

Поэт стремился выразить осознанное: на войне люди совершали такое, что не должно быть позабыто, оставаться неведомым для потомков. Величие подвига требовало и широкого его признания. Поэтому появляется в творчестве Орлова герой, способный от единичного факта подняться до обобщений. В том же сорок втором наряду со стихотворениями «Не с немцами воюем, а с болотом...», «Далеко течет река Шексна...», «Карты», «Песня о лошади», в которых герой, принимая военную действительность, все же думает о предвоенном мире, о своей возможной гибели или о возвращении, о несправедливостях войны, появляется и стихотворение «Зачем руда сто тысяч лет...». Здесь уже не только описание боя, как в предыдущих стихах («Видишь, над Ведлозером пожар, Знать, отходят наши тяжело»), здесь возникает требующий ответа вопрос «зачем?». Сто тысяч лет пролежала в земле руда, не имеющая непосредственного отношения к конкретному человеку, герою стихотворения. Быть может, их пути никогда и не пересеклись бы — той руды, лежавшей под землей, и этого человека. Но добыл ее рудокоп, выплавил сталевар,

Усталый токарь слиток стали
Точил, и в роковом году
Снаряд на дальний фронт послали.

Уместившаяся в восьми строках история превращения руды в смертоносный снаряд волей-неволей требует домисливания, развития, то есть заставляет задуматься и о причинно-следственной связи, и о превратностях судьбы, о случайностях и закономерностях. И само собою разумеется, требует ответа вопрос, звучащий в последних строках:

Зачем руда далекий путь
Прошла, чтоб мне лежать убитым?

Масштаб мировой войны и стремление и умение осмыслить его придали стихотворению философский смысл.

Десятилетиями позже, когда, по меткому выражению Валерия Дементьева, «едва выросло и вступило в сознательную жизнь новое поколение тридцатилетних людей, как война стала историей», интерес к литературе о минувших сражениях не только не иссяк — он повысился. Но одновременно усилились споры и о самой «теме войны». Так, писатель А. Ананьев по этому поводу размышляет: «Может быть, мы совершаем ошибку, говоря «тема войны», «военная тема»... Может быть, вернее было бы назвать произведения о минувшей войне антивоенными, прямо-таки кричащими за мир, так как все то, что рассказывается в них, не может не вызвать ненависть к войне, вернее, к захватчикам, к тем, кто начинает развязывать войны». Заметим, что имеются в виду произведения о минувших сражениях, то есть написанные сейчас в том времени. Какую же оценку в таком случае можно дать произведениям, написанным о том времени тогда: в сорок втором — о боях сорок второго? Спустя десятилетия пи-

сатели, у которых отстоялись впечатления, смогли создать глубокие философские произведения, в которых для нас важна та, дымящаяся, грохочущая действительность, в которой человек не воссоздан по памяти, а словно сфотографирован, запечатлен в момент напряжения духовных сил. Так, никто не станет сравнивать по качеству великолепный цветной слайд, сделанный в конце восьмидесятых, и военный фотоснимок. Но «Комбат» и «Регулировщица» волнуют нас при каждом взгляде на них, волнуют своей достоверностью — не просто принадлежностью к определенному периоду времени, но и слиянием с ним. Поэзия военных лет — отчасти такой же снимок. Являясь произведением литературы, стихотворение в то же время (благодаря одной уже дате создания!) воспринимается и как документ. Таковы стихи Сергея Орлова, тем более что почти за каждым из них — реальный случай.

Не будет преувеличением сказать, что март сорок третьего года был для командира танкового экипажа Сергея Орлова одним из самых сложных. Первый бой, обостренное понимание непрочности жизни на войне, первое попадание вражеского снаряда в его танк.

А что значит узнать в двадцать два года, что на тебя уже отправлена домой похоронка?

Мы говорили о том, что в творчестве С. Орлова (особенно это относится к военной теме) почти нет стихотворений, за которыми не стояли бы конкретные, увиденные и пережитые поэтом события. По его стихам можно проследить биографию. Подтверждением тому — стихотворение «В подбитом танке», написанное в марте 1943 года.

Конечно, представить себя на месте лирического героя (и автора, которому действительно довелось пробыть не один день в подбитом, а потому неподвижном, насквозь промерзшем танке) — трудно. Но стихотворение — потрясающий документ, созданный в те дни, в том танке:

Морозной ночью в тесной башне
Броня от холода горит.
О чем-то мне ненастоящем
Товарищ тихо говорит.

Что может быть в подобной ситуации «ненастоящим»? Обыкновенное тепло — продрогшие, замерзшие люди, окруженные со всех сторон металлом, они уже перестали верить в то, что оно, тепло, существует:

Тепло товарищ вспоминает...
Он врет, нет на земле тепла!

Строгий, экономный на слова и не допускающий повторов, С. Орлов в данном случае в шестнадцать строках четыре раза употребляет слово «тепло» — в каждой строфе. Можно сказать: для усиления эффекта. А можно просто вспомнить, что писались эти строки там, в том холодном танке, где тепло было столь желанным. Можно ли было выйти из машины и добраться до своих? Да, но это значило — оставить танк; поэтому решено самостоятельно отремонтировать боевую машину и только тогда вернуться в полк. Прерывая всякие разговоры о тепле, командир приказывает: «Отставить!» И он, и остальные члены экипажа прекрасно знают, что

...Тыщу метров нам
Лишь до тепла, но танк оставить?..
Нет! Коченей назло врагам.

Сиди и бей из пулемета,
Чтоб пальцы на крючке свело.
А коль не подойдет пехота,
Зажгут нас — будет нам тепло.

Как видим, выбор был небольшой...

Поэт вопреки войне... Потом, много позже, Сергей Орлов скажет в интервью «Литературной газете» 7 января 1975 года («Говорят лауреаты Государственной

премии РСФСР»), что «эта пора определила наши идейно-эстетические позиции, которым мы остаемся верны и теперь». Этим он подчеркнет влияние сложных военных условий на формирование целого поколения людей. Но, оставаясь поэтом-танкистом, он (да и не только он — все поэты того времени) оставался поэтом вопреки войне.

Лирический герой стихотворений Сергея Орлова остается личностью тонко чувствующей, искренней, способной ценить дружбу, взаимовыручку, лучшие движения души. Вопреки войне человечность в человеке не заглохла, не приняла искаженные формы, не выродилась в зверство, а, наоборот — обострилась, обнажилась. И ненависть к врагу только подчеркнула ее, оттенила, сделала еще более контрастной. Зная о молодости бойцов, зная об их мужестве, которое еще Аристотель охарактеризовал как «добродетель, в силу которой люди в опасностях совершают прекрасные дела», мы понимаем боль автора, пишущего о гибели друзей. Еще недавно они сидели рядом, пели, и пелось им по-особому именно потому, что

Знали мы:
Кого-то между нами
Ждет напрасно мать к себе домой.

Читая последнюю строку: «Песня, песня, где друзья сейчас?..», видишь за нею осиротевшего вдруг человека; он остался, выжил, они — погибли; он помнит все, но с кем воспоминаниями поделиться? Это — горе. И множественное число — друзья — заставляет задуматься о глубине этого горя: сколько их погибло, сколько ушло вместе с ними открытий, радостей, надежд! Только трое из ста вернулись с войны...

Чем ближе знакомишься с орловским героем, тем яснее понимаешь, что дружба, начало которой «в танке тесном, Где все делилось пополам», для него — жизненная необходимость. Он не говорит о дружбе, не кля-

нется в верности («ей клятв о верности не нужно. Она, такая, выше их»). Он просто делает все для друга.

...Обратимся к уже знакомой нам автобиографии «О себе». О 1943—1944 годах в ней — два предложения: «Воевал на Волховском и Ленинградском фронтах в танке; воевать приходилось не только с немцами, но и с болотом. Танкисты не любили громких слов и верили в будничные высокие ценности: дружбу, товарищество, долг».

Да, «воевать приходилось не только с немцами, но и с болотом». Трясина, где и зимою оставалась промерзшей вода, была врагом и танков, и пехоты.

Все болота, болота...
На вершки, на шаги
Здесь считает пехота
Расстоянье до Мги.

Почему — «на вершки, на шаги», а не на километры? О сложности и кровопролитности тех боев говорит хотя бы тот факт, что расстояние, которое танкисты с боями преодолевали в течение целого года, нынешний поезд проходит... за шесть минут. Не часов, не дней — минут! О боях на Волховском фронте сказано и известно многое. Известен и этот рассказ из книги Валерия Дементьева «Мой лейтенант»: «Стоял конец марта сорок третьего года: в танковом полку почти не оставалось боевых машин... Сохранился штаб полка, рота технического обеспечения и другие подразделения, а поэтому полк был полком, хотя теперь он не имел ни матчасти, ни танкистов... Наконец танкистов отвели на переформировку. Возле деревни Дусьево, где располагались тылы 8-й армии, в частности, находилась редакция армейской газеты «Ленинский путь», молодые парни в танкистских шлемах привычно выкопали себе две новые землянки в красивом сосновом бору... И в этих землянках запросто разместился почти весь личный состав их гвардейской части: всего человек пятна-

дцать, оставшихся в живых» (выделено мною. — И. П.).

Узнав об этом, понимаешь не только то, что «Друзей немало хоронили, Погибших под огнем в бою», но и масштаб трагедии. И становятся родными, близкими сердцу строки Орлова

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.

О том же, насколько напряженной была обстановка на Волховском фронте в конце 1943 года, можно судить по заметке, опубликованной в армейской газете. Сообщалось, что с начала года (заметка опубликована 13 марта) танкисты полка «совершили около 40 атак, 1600 немецких солдат и офицеров нашли смерть от их грозных машин, 92 немца танкисты взяли в плен».

Кстати, заметка была опубликована в газете «Ленинский путь», в той самой, в которой С. Орлов печатал свои стихи в 1943 году. Вот как вспоминает о первом знакомстве с Сергеем Орловым «назначенный писателем армейской газеты» ленинградский критик Л. Левин: «...однажды — это было ранней весной 1943 года на Волховском фронте — ко мне в затопленную водой землянку неподалеку от приладожской деревни Дусьево явился лейтенант в танкистском шлеме.

Войдя в землянку, лейтенант нагнулся, и я увидел только широкие скулы и выбившийся из-под шлема мальчишеский белокурый чуб.

— Мне бы капитана Левина, — тихим, совсем не лейтенантским голосом, скорее даже робко, сказал лейтенант.

— Я вас слушаю.

— Меня направил к вам подполковник Гричук. — Это был редактор нашей газеты. — Тут у меня написано кое-что, — лейтенант уже совсем застенчиво протянул мне выдавшую виды фронтную тетрадку.

Я полистал ее и сразу понял, что передо мной — поэт.

Для того чтобы понять это, не требовалось ничего, кроме элементарного умения читать и понимать прочитанное».

Есть смысл остановиться на этом небольшом, но интересном и важном периоде творчества С. Орлова, началом которого послужило, конечно, не посещение им редакции армейской газеты. Но именно оно, это первое (и, к счастью, удачное) посещение явилось закономерным продолжением его фронтовой литературной деятельности. Стихов было написано много, но публиковать их не было ни времени, ни возможности. И вот такая возможность появилась. Только в мае 1943 года в «Ленинском пути» опубликовано пять стихотворений Орлова (первое из них «Тебе, боец!» увидело свет 3 мая). В дальнейшем на страницах той же газеты появились «У костра», «В землянке», «Счастье»...

В том, что произведения эти написаны действительно талантливым человеком, сомнений не было. Но не было и никаких гарантий, что талантливый поэт не погибнет в первом же бою. Понимая, насколько сложно в военное время оградить танкиста от смертельной опасности, Левин (за спиною ничего не знавшего об этом Орлова) предпринимает попытки перевести молодого поэта из полка в редакцию армейской газеты: сначала Орлова «выпрашивал» у генерала Зубова (члена Военного совета 8-й армии) поэт А. Прокофьев, затем вели разговор с работником политотдела С. Глушанковым... Подполковник Глушанков тогда сказал: «Одно из двух — или он героически погибнет в бою, или уцелеет и напишет замечательные стихи о танкистах».

Вот она, еще одна грань луконинского «выбор был небольшой...». Но как остра она, эта грань, как больно ранит...

Ничего не знавший о вспыхнувших вокруг него страстях, гвардии старший лейтенант Орлов продолжал воевать (тогда, к осени 1943-го, он командовал уже танковым взводом), продолжал писать стихи, регулярно

приносил их в редакцию «Ленинского пути». В течение недолгого отрезка времени в газете было опубликовано немало стихотворений Сергея Орлова. Более того, Орлову стали давать задания, которые он с присущей ему добросовестностью и безотказностью выполнял. Далеко не все из тех стихотворений затем вошли в сборники, многие из них и сам Орлов не помнил. Но даже те, которые в трехтомном собрании сочинений помечены 1943 годом, заставляют задуматься не только о работоспособности молодого поэта, но и о лиричности и философской глубине его стихов.

Ночь бела. Закат идет в рассвет.
Отсвет звезд на башнях громобойных
Из далекой тьмы прошедших лет
Светит нам через года и войны.

Он сиял, быть может, тем войскам
Боевым на поле Куликовом,
По шеломам и стальным щитам,
За Непрядвой, от зари багровой.

Может, где-нибудь зажглась звезда,
Свет ее идет из дымной дали.
И дойдет к земле через года.
На какой он засияет стали?..

Как видим, в этом стихотворении автором соединены, слиты, сплетены воедино историческое прошлое, будущее и настоящее. Вечные звезды многое видели, были свидетелями многих событий. Но поэт словно сделал их свидетелями одушевленными, наделенными памятью. Отсюда — историческая связь между воином с поля Куликова и танкистом. Битвы, войны, бои, сражения — сколько было их! И в прошлом, и в настоящем — они. Но не вечна же эта вражда человека к человеку! Зажглась уже где-то там, в бесконечности Вселенной, новая звезда, свет которой будет идти к Земле сотни

и сотни лет. Неужели и тогда он отразится от стали штыка, танка, ракеты, а не от стали трактора, комбайна, пера? «На какой он засияет стали?» — вопрос не праздный — его задает человек, который через несколько часов пойдет в бой, может погибнуть и понимает это. Значит, волнует его не только свое, личное будущее, но и будущее в более широком значении — будущее планеты, человечества.

В этом (как, впрочем, и в некоторых других стихотворениях 1943 года) появляется, пока еще не явно, орловская космическая тема.

Кстати, в этом же году другим фронтовым поэтом, Николаем Старшиновым, принимавшим участие в боях на Смоленщине, были написаны строки, в которых без особого труда можно найти интонации, перекликающиеся с орловскими:

И вновь земля трясется от ударов,
И вновь взрывная катится волна...
Ты, наша юность, пламенем пожаров
И ответом ракет озарена.

А спустя много лет Николай Старшинов напишет и стихотворение «Над Непрядвой».

Случайны ли эти параллели — нет, не между поэтами, пусть даже в чем-то и схожими, а — параллели в их стихах? Думаю, что случайности здесь нет. Можно было бы привести и другие примеры, доказывающие и иллюстрирующие стремление поэтов фронтового поколения соотнести великие события прошлого и настоящего, найти между ними связь, вновь и вновь воскресить героическую историю русского народа: мол, не бывало легких битв за великое, святое дело, за победу; да, гибли воины и столетия назад, но великие дела, за которые они гибли, не дают забыть их имена, их подвиг.

«Фронтовая лирика говорила от лица солдата и за него», — отмечал известный советский критик А. Ма-

каров. Фронтовая поэзия С. Орлова (особенно фронтовая!) — тому подтверждение.

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву.
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно звенел,
А где-то еще ухали снаряды
И «мессершмитт» пронзительно гудел.

Это о нем, о солдате. Но ведь это и сказано им, солдатом, танкистом: вышли из танка, ступили на траву, вместо башни — небо над головою, и — кощунственно звенящий кузнечик. Все это мог увидеть, подметить только глаз, отвыкший от мелочей мирной жизни.

Умение увидеть характерное, найти типичную деталь, выделить основное, обнаружить в примелькавшемся новое стихи Сергея Орлова отличались всегда. Но именно во фронтовой лирике ярко проявился талант Орлова-«бытописателя». Кажется, нет особых, эффектных деталей в стихотворении «О счастье», — ну, подумаешь, хочется человеку, уставшему от боев, закурить сигарку, просушить у костра портянки, выспаться, поесть каши да дожждаться открытки из дома... И всего-то. Обычные желания. И сам лирический герой признает:

Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

Даже — с избытком! Но есть ведь что-то в этой незамысловатой картинке такое, что раздвигает рамки слов и заставляет за строкою увидеть действие, движение. Точно так же, как и в написанном в ту пору стихотворении «Кузнечики звучат в траве...». Летит самолет, стреляют зенитки, регулировщик под сосной направляет танки. В конечном итоге — «Пылит, свер-

кает и гремит денечек фронтовой». Вроде бы — моментальная фотография, но и фотографией не назовешь — чувствуется, видится, слышится движение, действие. Поэт сумел заставить нас посмотреть на кусочек фронтового дня своими глазами. Вернее, не заставил — позволил. «Вспышкой» (частой, кстати говоря, в стихах Орлова) стали и две заключительные строчки стихотворения «Пыль», хотя сами по себе в отрыве от предшествующих им шести они не производят такого впечатления. Впрочем, судите сами, стихотворение невелико:

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Все по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

Спокойное, намеренно «тихое» описание дороги вдруг по-новому видится после того, как узнаешь, что пыль эта, осевшая на куст, на края дороги, не веками собиралась, а была поднята колоннами машин и танков, сапогами тысяч солдат всего за две ночи, и они уже представляются, возникают перед глазами — те танки и те солдаты. Другое дело — «На марше». Здесь тоже «песок скрипит на зубах», но здесь и танки, которые «дышат жарким ветром», и рычаги, которые «горят в руках», «режут моторы на подъемах»...

Рожденный поэтом, Орлов и видел окружающее своим особым, поэтическим зрением. Говорят, и во время войны, и после, вплоть до последнего дня, он редко оставлял черновики, по которым можно было бы проследить процесс работы над стихотворением. Вынашивал в себе, перечеркивал, заменял строки мыслен-

но, в голове, и записывал на бумагу почти готовое или совсем готовое. Может быть, именно поэтому стихи Орлова и читаются, как написанные на одном дыхании, в один присест — в каждом из них сохранено состояние, жжение души. Типичным примером можно назвать стихотворение, о котором почему-то мало говорят и редко вспоминают — «Тополь встанет молодой...». Лирический герой, видя вокруг себя смерть, опаленную войной землю, думает о том, что все еще в жизни будет. И так велика, так светла эта его уверенность, что поддаешься настрою стихотворения и начинаешь самого себя убеждать в том, что, действительно, и журавли еще обронят перо, и дожди будут идти, и «Вырастут на свете люди, Что еще не родились»... Верись в это волшебное «будет». Стихотворение — своего рода клятва погибшему товарищу, заверение в том, что пусть даже ты погиб, «рожь взойдет над головою», но

Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.

Более того —

Смерти никогда не будет —
Будет жизнь.

Смерть одного, каким бы большим горем она ни была для близких, только подчеркивает вечность и незблемость жизни вообще, жизни во всех ее проявлениях.

В произведениях позднего Орлова тема жизни и смерти приобретает философскую глубину. Однако наряду с бьющейся мыслью в строках по-прежнему будет вспыхивать озаряющее эту мысль, оживляющее ее чувство. Но в стихах сорок третьего — сорок четвертого годов это чувство — в высшей степени — яркое и болевое. Быть может, это оттого, что поэту было тогда едва-едва за двадцать? Быть может... Но Орлов все чаще и чаще заставляет читателя заглянуть за ту грань, за которой — ничто, а перед которой — жизнь: автор,

герой, читатель, весна — действительность, ощутимая и осязаемая. Причем переходы столь резки, что можно предположить умышленный контраст. Четыре строки из стихотворения «Вокруг весна беспутная летела...» — настоящий гимн побудившейся природе, ее силе, буйству и надежности:

Вокруг весна беспутная летела,
От нетерпенья жгучего дрожа,
И даже медь на гильзах зеленела,
И прорастали бревна в блиндажах.

Одним словом — жизнь. Но следующая, пятая строка словно застает душу врасплох, и душа замирает.

А мы стояли над могилой кругом,
Она как двери рубленой проем
В тот мир, откуда нет возврата другу,
Где и весна, и зелень — ни при чем.

И сразу тускнеет в сознании та, из первого четверостишия, зелень — ее выталкивают, вытесняют, застилают другие картины и другие ощущения, мысли, ассоциации.

Отчетливые параллели, которые возникают при чтении стихотворений, подобных «Тополь встанет молодой...» и «Вокруг весна беспутная летела...», прослеживаются во многих произведениях Сергея Орлова, созданных в середине войны. Но это — не «вариации на тему» контраста жизни и смерти, вечного их противостояния, а уже глубокая разработка этой темы. Лейтмотивом, вопреки войне, звучит: жизнь уничтожить невозможно, она прекрасна и вечна. Именно это мироощущение делает поэзию С. Орлова жизнеутверждающей, светлой, оптимистичной, устремленной в будущее.

Родившиеся как естественная реакция поэтической, тонко чувствующей души молодого человека на потрясения, вызванные войной, стихи тех лет были своего рода зернами, из которых затем проросли новые про-

изведения. Так, читая «Стихи о переправе», написанные в 1948 году, чувствуешь родство их с более поздним и более известным орловским «Вторым». Мысль, получившая филигранную завершенность и точность во «Втором», вначале взметнулась в «Стихах о переправе»:

Он первый встал на берегу крутом,
Хотелось берег целовать. Но сразу
Он лег за рыжеватым бугорком
И бил из пулемета без отказа.

Когда же холодеющая кровь
Окрасила желтеющие травы,
Он увидел, подняв устало бровь,
Как тысячи пошли на берег правый.

Да, дорогу делает не первый, но без первого она невозможна. И поэтому, воспевая в одном стихотворении смелость продолжающих путь, в другом стихотворении Орлов отдает дань подвигу начинающих этот путь.

Привычная, традиционная форма орловского стиха не только не уменьшает воздействие на читателя, но, наоборот, усиливает, потому что, оставаясь в силу своей привычности незаметной, форма эта не отвлекает от главного — ясной мысли и высокого чувства. Простота изобразительных средств не мешает нам напряженно наблюдать развитие мысли, ее углубление.

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой, —
Мы люди, а она стальная...

В стихотворении, как видим, вовсе нет слов о таких качествах человека, как сила воли, самоотверженность, самопожертвование, чувство долга и т. д. Они здесь не нужны — ибо все чувствуется, все выражено поэтически: «мы люди, а она стальная...»

Спустя три года, в 1946-м, это стихотворение, как и многие другие, написанные на фронте, войдет в книгу С. Орлова «Третья скорость»...

«Что знаю я о мире и войне?» — спрашивает себя лирический герой и отвечает: «Я знаю лишь подробности одной». Действительно, читая стихи С. Орлова о войне, мы редко встречаем в них отвлеченные обобщения и выводы; они состоят из штрихов, деталей. Но затем штрихи образуют самостоятельный портрет, по деталям мы узнаем время. И не случайно сейчас, спустя десятилетия, новое поколение ищет и ценит в стихах тех лет не декларативные заявления и громкие фразы, а нечто конкретное, близкое к документальности.

1943 год, о котором мы говорим, стал и для Орлова-поэта, и для Орлова-воина не только важной вехой в судьбе — он стал в известном смысле определяющим. Сказывался опыт войны, позволивший душе в сжатые сроки познать и вобрать столь многое, что весь опыт предыдущей жизни казался теперь только подготовительным этапом к восприятию фронтовой действительности, которая диктовала свои законы. Орлов, испытавший на себе жестокие требования войны к человеку, уже не мог написать плакатно-призывную строку, которая нет-нет да и мелькала в его ранних, предвоенных стихах. Круг познаний не просто дополнился новыми, пусть и суровыми, но жизненными штрихами; не просто дополнился, но — углубился.

Размышляя о влиянии географического фактора на характер человека, Д. С. Лихачев писал о Русском Севере: «...в России, в отличие от юга, особенно где-ни-

будь на берегах Белого моря или Белого озера, необыкновенно длинные вечера с закатным солнцем, которое создает на воде переливы красок, меняющиеся буквально в пятиминутные промежутки времени, целый «балет красок», и замечательные — длинные-длинные — восходы солнца. Бывают моменты (особенно весной), когда солнце «играет», точно его гранил опытный грагильщик. Белые ночи и «черные», темные дни в декабре создают не только многообразную гамму красок, но и чрезвычайно богатую палитру, эмоциональную. И русская поэзия откликается на все это многообразие».

В «военной лирике» поэта это «многообразие красок» и «эмоциональная палитра» как бы просвечивают сквозь военный быт, проявляясь в картинах родной природы, языке, образах Матери и односельчан. Сильные выработанные почти двумя десятилетиями довоенной жизни представления о действительности, об окружающем мире с отличным от этого представления фронтовым бытом рождает в поэзии Орлова особое сочетание лиризма и трагедии. Ощущение непрочности бытия, дисгармонии, внесенной войной в привычное течение жизни, еще порождает нежелание молодого человека верить в возможную смерть друзей (зная, что и сам можешь не быть), порождает стремление осознать, как после смерти физической продолжается личность — в памяти людей, в природе. Это отразилось в таких произведениях, как «Когда над фронтом наступает ночь...», «Песня — что-то вроде костра...», «Тополь встанет молодой...», «Потомок наш о нас еще вспомнит...». Они написаны в сорок третьем году, как, впрочем, и миниатюра «Жил на свете, не скучал...»:

Жил на свете, не скучал
В офицерском звании,
Пулю-дуру повстречал
Родом из Германии.

Покачнулся белый свет,
Ничего на свете нет.

Последние две строки (не зря они отделены поэтом от четырех предшествующих!) заключают в себе мощный посыл для фантазии, для воссоздания картины происходящего (а, казалось бы, и всего-то: «Покачнулся белый свет...» — три слова), — безымянный герой, о котором известно всего лишь, что он «не скучал» и был «в офицерском звании», обретает дополнительные черты, особенности, приметы. Волей-неволей начинаешь думать о том, а что же было на свете, чего сейчас нет, не стало, ушло, унесло смертью?

Так, сообщая о смерти офицера, С. Орлов заставляет задумываться о жизни единичной и о жизни вообще.

Кстати, здесь можно проследить и влияние устного народного творчества на поэзию Орлова. Вспоминается одна из вариаций: «млад сизой орел» приносит весть от погибшего солдата:

«Моему батюшке — челобитьице,
Родной матушке — низкой поклон,
Малым детушкам — благословеньице,
Молодой жене — на две волюшки:

Хоша замуж ходи, хошь вдовой сиди.
А мне, молодцу, так господь велел:
Положить буйну головушку
На чужой, дальней сторонущке».

Но если в народной песне больше говорится именно о конкретном солдате (которого, кстати, мы тоже не видим), то есть сообщается о его семье, об отношении его к членам семьи, то в стихотворении С. Орлова герой лишен индивидуальных черт, что подчеркивает его неединичность, необособленность, а, наоборот — принадлежность к сотням таких же, как и он, для которых «покачнулся белый свет».

Стихотворения, о которых говорилось до сих пор, были написаны в «волховский», «мгинский» и «дусьевский» периоды.

С начала сорок третьего по начало сорок четвертого годов Волховский фронт сдерживал натиск врага, не давая немцам возможности перебросить силы на другой участок. Впереди была Мга, которую предстояло освободить.

О том, какие бои шли на Волховском фронте в 1943 году, можно судить даже по названиям, которые давали тогда бойцы дорогам и тропам: «Тропинка смерти», «Дорога смерти»... За каждую высотку приходилось ожесточенно драться (вспомним хотя бы «Карбусель»), потери были огромными. Горел в танке и Сергей Орлов, но, к счастью, вскоре снова вернулся в строй.

Сейчас, спустя десятилетия, много говорится о героизме танкистов, их доблести и выдержке, но редко-редко где мелькнет воспоминание очевидца о том, какой ценой экипажи пытались уберечь свои машины от огня, более того — какую ответственность несли они, если доводилось оставить на поле боя подбитую машину. И Орлов, как командир танкового взвода, испытал на себе всю тяжесть той ответственности. Давний друг поэта Анатолий Чепуров так сказал об этом в поэме «Сосны», написанной в 1977 году и посвященной С. Орлову:

Командир полка,
Скупой на слово,
Поднимаюсь,
Не заставил ждать.

«Знаю, понимаю,
Что трясины.
Но война —
На то она война.

Два часа даю тебе —
Машина
Быть в расположении
Должна.

А не то...»
Он взвесил на ладони
Пистолета
Черное литье.
Пулями
На мерзлом небосклоне
Заморгали звезды:
«Все твое...»

Да, и здесь выбор был небольшой. Суровы законы войны. Но прочнее, крепче их законы фронтового братства. Другие экипажи помогли выводить подбитый танк. Однако не о том сейчас речь — об ответственности: пока жив сам, должен бороться за спасение товарищей и машины, «а не то...». И они боролись. До последнего.

Так называемый «дусьевский» период, хотя и длился по времени менее года, дал Орлову много и в смысле становления, осознания себя как поэта; в смысле выработки и формирования нового этапа мироощущения. В 1943 году им написано стихотворение, которое можно поставить в начале цикла стихов С. Орлова о космосе. Сорок третий год — и космос? Смерть, боль, взрывы, грохот танков и — размышления о Вселенной?

Потомок наш о нас еще вспоманет
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров

И как ракеты толком начинали
И посылали предки на врагов, —

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
— В тот дальний век изобретали люди
«Катюшу» для полета на Луну.

Да и о космосе ли только эти стихи?

1943 год. Не только о полете на Луну, но и вообще об освоении космоса широко не говорилось, все это было из области фантазий. Но стихотворение читается, словно написал его человек, уже знающий и о полете Гагарина, и о выходе в космос, и о луноходе... Стихотворение многопланово. В нем выражается уверенность в победе над врагом — в противном случае ни о каком «потомке нашем» речи не шло бы; в развитии прогресса, науки, что позволит создавать ракетопланы и лететь к другим звездам; в то же время — в высокой нравственности потомков, которая приведет к исчезновению войн и конфликтов, — они даже представить себе не смогут, как это — «земля дрожала в пламени костров»; наконец, последние две строки не только образно иллюстрируют тот факт, что потомкам неизвестно оружие уничтожения, но и вызывают еще одну, кроме прямой, ассоциацию: не будь «катюш» (другими словами — победы над врагом), не было бы и полета на Луну, ибо не от уровня развития техники, а от уровня развития человеческого сознания зависит в конечном результате будущее.

Сам факт, что Сергей Орлов в середине войны задумывался над подобными вопросами (в последующие годы они захватывали его все больше), говорит о той интенсивной внутренней работе, которая в нем происходила. Его стихи становятся более психологичны, глубоки, многоплановы.

К середине войны, освоившись (насколько это бы-

ло возможно) с фронтовой жизнью, Сергей Орлов выходит в своем творчестве на обобщения. Примером может служить и стихотворение «Смотровая щель». Пятый час не отводит глаз от смотровой щели танка водитель, вцепившийся в рычаги. Вероятно, идет изматывающий долгий бой на участке Волховского фронта. Что можно увидеть сквозь смотровую щель танка? Оказывается, можно.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина...
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

Столь велико стремление воинов победить, разбить фашистов на их же земле, что водитель танка от Мги видит «Предместья Вены и Берлина». Герой произведения С. Орлова становится все пронизательнее, в нем появляются чувства и качества, неведомые ранее, он мудреет. На второй план отодвигаются всяческие неудобства и даже тяготы, то, что мешает телу быть свободным — «мрак и теснота» в танке, летящие в глаза водителю «песок и глина», на первый план выходит состояние души, позволяющее видеть предместья вражеских городов, — уверенность в победе, крепость духа.

К концу 1943 года Волховский фронт пришел в движение. В воздухе витало явное предощущение наступления. Фронтовики рассказывают, что так бывало всегда: еще не поступало конкретной информации, не доводились приказы, но какой-то особый дух, особый настрой уже начинал царить. Волховский фронт готовился к прорыву блокады Ленинграда, к большим боям. Впереди были Новгород и Псков. Кончалось мучительное ожидание, нашедшее отражение в стихотворении «Перед атакой», ожидание, доведенное до того, что

... на все нам наплевать,
Лишь только бы скорей ракета,

Чтоб заряжать, хрипеть, стрелять,
Но лишь не ожиданье это!

Та же мысль, то же настроение, состояние и в стихотворении «Прощание с землянкой». За долгое время обжились здесь бойцы, привыкли к «нарам в два ряда» и скрипучему столу, к природе, и вот — бросают свой дом, заводят моторы танков... Без сожаления, а, наоборот, с явным, даже подчеркнутым нетерпением:

Мы не вернемся вновь назад:
Мы этот день два года ждали.
Ракеты к западу летят,
Зовут грохочущие дали.

Мы рады покидать свой дом.
Прощай, землянка, мы уходим!
Пусть зарастает лопухом
Тропинка торная при входе.

В обычных, мирных условиях строки о радости при прощании с домом, о торопливом расставании с родными стенами показались бы жестокими. Но ведь землянка — дом не просто временный, но и — вынужденный. Так что прощание с ним могло сулить и перемены в лучшую сторону. Тем более, если учесть состояние бойцов, почти год находившихся на одном и том же месте, в болотах.

Однако начавшиеся бои — это не только продвижение вперед, это новые потери, смерти, подбитые машины. А тут, как на грех, именно во время наступления разыгралась оттепель — танки тонули, вязли, срочно сооружаемые настилы не всегда выручали. Тогда, в январские дни сорок четвертого, и появляются строки:

А было, под Волховом синим
В крови поджимался рассвет.

Завязшие танки в трясине
И черные ленты ракет.

Болота, болота, болота,
За каждую кочку бои,
И молча в отчаянных ротах
Друзья умирают мои.

Ползут по кровавому следу,
По черному снегу полки,
Лишь веруя сердцем в победу,
Рассудку уже вопреки...

В них то, что всегда было присуще поэзии Орлова — точность, наблюдательность, эмоциональность. Редко употребляя такие понятия, как подвиг, Родина, героизм, Орлов тем не менее пишет фронтные стихи так, что за описанием встает целая страна, целое поколение; за словами видится живая, сильная любовь героя к своему Отечеству.

20 января танкисты отбили у врага Новгород.

Древний город, известный еще с середины девятого века; город, чьим украшением и гордостью на века стали Софийский собор и церкви Спаса на Нередице, Федора Стратилата, Успения на Волотовом поле, — город этот был разрушен, сожжен, обезображен. Экспрессия, одухотворенность фресок Феофана Грека и — пожарища, руины; мажорные, красочные иконы четырнадцатого века и — взрывы, дым, огонь... Древняя самобытная культура и — современное варварство. Увиденное не могло не потрясти Орлова-поэта. Живая, гордая, древняя история и ее поругание... Кем, каким должен быть человек, чтобы без содрогания, без страха в душе мог он уничтожить чудом сохранившиеся во времени статуи и полотна? Время шло, а человек — нет? Да человек ли он тогда? Или — «полное невежество приводит к полному тупоумию»? (Гельвеций),

Ощущение личной ответственности за происходящее заставляет лирического героя стихотворения «Танки в Новгороде» считать себя защитником на все времена:

Громыхая тяжкою броней,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.

Одновременно, в том же сорок четвертом году, появляется и своего рода триптих — «Земля Новгородская» — произведение более сложное. Ни на миг не может остановиться его герой-танкист — «села древние без людей. Молят будто: приди скорей!». Ворвавшись в город, что же видит он? «Тысячелетия России Разбитый памятник в снегу», ободранные купола соборов, разрушенный старинный мост через Волхов... Неужели все это можно простить, оставить безнаказанным? Герой уверен, что преступники не уйдут от ответа. И поэтому твердо, без тени сомнения обещает, что все содеянное

Мы им попомним в этот час,
Когда о взятии Берлина
Над миром прозвучит приказ...

«Мать городов старинных», древний Новгород, как совесть, не давала успокоиться, призывала к отмщению. И Орлов-танкист, Орлов-воин готов был совершить возмездие. Но судьба солдата на войне неразрывна с опасностью, со смертью. Неудержимо приближался тот февральский день, когда, по словам самого Сергея Орлова, «ударили по танку прямой наводкой. Я получил сразу три ранения: в руку, в ногу и в грудь. Последний осколок шел прямо в сердце, но... помешала медаль «За оборону Ленинграда». Комсомольский билет был пробит, медаль изуродована, но осколок потерял свою силу и застрял между гимнастеркой

и грудью. В танке произошел взрыв, машина загорелась. Мы через борт скатились в рыхлый снег. У меня начался световой шок, и я подумал уже, что ослеп навсегда... Обгорелая кожа свисала с лица клочьями, веки слипались. А фашисты бьют, бьют, не давая возможности поднять голову...»

За последний год Орлов сменил три танка — все были подбиты. Гибли члены экипажа, а он — выживал, вновь возвращался в строй. На этот раз фронтовая удача ему изменила. Разорвавшийся внутри танка снаряд изранил их, двоих оставшихся в живых из экипажа, обжег, ослепил, изуродовал. Но они были живы! Живы, в то время как из сотни одногодков Сергея Орлова выживали только трое! Пятьдесят миллионов человек погибло за годы второй мировой войны. Он не вошел в число этих пятидесяти миллионов. Судьба сохранила для российской словесности замечательного поэта, для друзей — преданного друга, для всех нас — человека, жизнь которого достойна подражания.

Многие и многое писали о том бое 17 февраля 1944 года — последнем танковом, фронтовом бое гвардии старшего лейтенанта Орлова, но не последнем — для поэта Орлова.

«Фронтовой путь поэта кончился госпиталем с труднейшими операциями по пересадке кожи на лице, с серьезными опасениями за зрение и непоправимым увечьем правой руки» (В. Оботуров). «...Он страдал — страдал от боли, от кровоточащих ран, от самой мысли, что не осталось у него прежнего лица, а было только «стойкое рубцевое обезображивание лица с недостаточностью века на левом глазу и обширные рубцы кистей и пальцев после массивного ожога». Именно так говорилось в медицинском заключении, сопроводившем его повсюду» (Валерий Дементьев). «Он... подошел ко мне и спросил: «Что, не узнаешь?» — и подал мне свою обгорелую руку. Да, я его, Сергея Орлова, действительно тогда не узнал. Тяже-

лые ожоги на лице еще не зажили и гноились» (И. Бузин). «...Узнать оставленного несколько лет назад круглолицего мальчишку с молочно-розовой кожей щек и звонким певучим голосом, узнать его в вошедшем, с затяннувшейся страшной раной вместо половины лица, было трудно» (Б. Пидемский). «...Рука была привязана запястьем к лицу — с этого запястья на горевшее веко перессаживался кусочек кожи» (М. Максимов)...

Я привел здесь лишь часть воспоминаний для того, чтобы еще раз дать почувствовать: каково было молодому 23-летнему человеку видеть себя таким, терпеть адские боли. Каждый ли выстоит, выдюжит? К счастью, осталось немало фотографий, среди которых и те, где Орлов запечатлен до рокового боя. «Командир тяжелого танка «КВ» 33-го отдельного гвардейского танкового полка прорыва. Волховский фронт, 1943» — на ней Орлов в шлеме, на фоне своей машины, широкая, добрая улыбка, выбивающиеся из-под шлема волосы... А вот — «В день присвоения воинского звания лейтенанта. Челябинск, 22 февраля 1942 года». В новенькой форме сидит он, облокотясь на спинку стула — широкоскулый, юный, уверенный в себе, какой-то весь светлый. Впрочем, не свет ли это юности? А вот еще более ранние — белозерские, 1938 и 1940 годов. Взгляд, остановившись на этом лице, встретившись с его взглядом, не может (или не хочет?) оторваться: такое трудносдерживаемое молодое веселье, сила, задор в юноше, словно случайно оказавшемся перед фотообъективом в этот миг.

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин «КВ» ушли в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.
Клочьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи...

О друзьях? О себе?

Пистолет из рук не выпуская,
Выскочил из люка, задыхаясь,
На пути двоих убил гранатой
И приполз, а на лице нет кожи,
И врачи сказали в медсанбате:
Этот парень вряд ли выжить сможет.

С губ слетело хриплое проклятье:
Значит, полз и принимал все муки
Для того, чтоб умереть в кровати,
На груди сложив спокойно руки...
Смерть пришла, назвал ее бесстыжей,
Жить решил назло всему, — и выжил.

О себе!

Он выжил, выстоял, победил. Далось это нелегко.
Но как потом, спустя несколько лет, сам он скажет:
«Солдаты победоносной армии, принесшие в своих
вещмешках и планшетах стихи, имели право, а с ним
и возможность говорить о войне откровенно и беспощадно
не только между собой, а со всеми, кто хотел слушать
и читать их стихи». Сам он, поэт Сергей Орлов,
говорил и говорит с нами о войне «откровенно и беспощадно».

Поэт вопреки войне...

Даже неловко употреблять это устоявшееся «лирический герой» по отношению к «я» в его стихах,
настолько очевидно автобиографичны они. Но не только
о себе писал Орлов, даже когда — от первого до
последнего знака — о случившемся только с ним, именно
с ним, и ни с кем иным. Не о себе — о поколении;
а если и о себе, то — как об одном из поколения.

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

«Земля сама свои врачует раны...»

А мы такую книгу прочитали!..
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли.
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщение
О путь-дороге нашего полка.

Сергей Орлов

Стихотворение, вынесенное в эпиграф, было написано Сергеем Орловым в 1945 году. Остались позади госпитали, операции, перевязки. Весной сорок четвертого, когда его перевели на лечение в Череповецкий эвакогоспиталь № 1931, Орлов уже посмотрелся на раненых, страдания людские, белые халаты врачей и медсестер. А родной Белозерск был так близок, совсем рядом! В момент очередной тоски по дому Орлов потребовал досрочной выписки. Врачи были против. Но к их возражениям он уже не прислушивался.

«Есть множество средств сделать человеческое существование постылым, едва ли не самое верное из всех — это заставить человека посвятить себя культуре самосохранения, победить в себе всякое буйство духа и признать свою жизнь низведенною на степенность бесцельного мелькания на все то время, покуда будет длиться искусс животодобия». Эта мысль М. Е. Сад-

тыкова-Щедрина, на мой взгляд, как никакая другая, поясняет, почему для Орлова жизнь не стала постылой, несмотря ни на что, — его, бойца, оптимиста, жизнелюба, нельзя было заставить «посвятить себя культу самосохранения». Вернувшись в двадцать три года с фронта в Белозерск, он не впал в уныние, не замкнулся только на своих увечьях. Сразу стал работать диспетчером технического участка, помогать, чем мог, другим — шел последний год войны, людей не хватало везде. И всем было трудно. «Жил он в маленьком домике по Коммунистической улице, 119, вместе с матерью и младшим братом Димой. То было трудное военное время, и Сергей жил, как и многие другие, преодолевая невзгоды, мучился с нехватками в хлебе насущном, твердо верил в Победу», — вспоминает близко знавший поэта бывший секретарь Белозерского РК КПСС И. Бузин.

Вдали от фронта, поэт душою все еще находился там. Но на расстоянии события видятся уже в ином свете, проявляются более объективно, объемно. И если смерть товарища там, в бою, была делом страшным и неминуемым, отчасти даже (нет, не привычным!) необходимым, что ли, то здесь, в Белозерье, на фоне тыловой жизни она требовала философского осмысления. Итогом такого осмысления и явилось написанное им несколько раньше, в 1944 году, знаменитое стихотворение-реквием «Его зарыли в шар земной...». Так случилось, что это произведение стало самым известным, самым «орловским». Даже те, кто не знал больше ни одной строки, написанной поэтом, услышав «Его зарыли в шар земной...», безошибочно определяли авторство: Сергей Орлов.

«Однажды, в конце сороковых или начале пятидесятых, — вспоминает Марк Соболев, — сидя в каком-то второразрядном кафе, мы — Михаил Львов, Марк Максимов, Орлов и я — вполголоса читали друг другу стихи. В строчках еще отчетливо звучала война, но

многое было и о сегодняшнем дне, времени возрождения. (Скажу в скобках, что нам, фронтовым писателям, этот переходный период дался нелегко.) Орлов прочитал одно из лучших своих стихотворений тех лет — «Жеребенок».

Вдруг из-за соседнего стола, где гомонили подвыпившие фронтовики, яростно поднялся богатырского сложения дядя.

— Вы что тут шепчете? — заорал он на все кафе. — Думаете, это стихи?! Поэты копеечные, — сочиняют черт те что, а настоящего понятия нету. Вот я вам сейчас прочитаю — стихи!!! «Его зарыли в шар земной, а был он лишь солдат...»

Наш сосед прокричал стихотворение до конца».

...Может быть, «сосед» и знал-то на память всего пяток стихотворений, но среди них — и это.

...Спустя много лет, в 1977-м, эти же первые строки такого знакомого, словно с детства знал его, стихотворения появятся и на сером камне, установленном на могиле поэта, на Кунцевском кладбище. Каждому ли дано такое, чтоб на камне — собственные строчки: как имя и фамилия, как биография, как судьба.

Так же как А. Твардовский в стихотворении «Я убит подо Ржевом», как М. Луконин в «Пришедшим с войны», С. Орлов создал своего рода памятник простому, «без званий и наград», солдату, который и был главным победителем в войне. Подчеркивая величие подвига и победителя, неизмеримость принесенных во имя победы жертв, поэт выходит на масштабные обобщения:

Ему как мавзолей земля —
На миллион веков.

«Сказано высоко, объемно, а в то же время очень и очень лично... Всенародно сказано» (Е. Исаев),

Не об одном — о миллионах пишет поэт. И потому в стихотворении появляются, усиливающие грандиозность свершенного, космические понятия:

И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

Наверное, не напиши он больше ни единой строки, все равно его имя навеки осталось бы в истории нашей поэзии. В судьбе поэта это — особое стихотворение. Иногда он даже шутливо огорчался: «Да что я, автор единственного произведения, что ли?!»

Не единственного, но необыкновенного, неповторимого, которое было продиктовано голосом души, обогащенной трудным военным опытом.

Погибшие за правое дело, за справедливость бессмертны для народа, для родной земли. И не случайно, говоря о невернувшихся с войны друзьях, С. Орлов употребляет образы, вызывающие мысль скорее о бессмертии, чем о смерти: в «Карбусели», хороня товарищей, танкисты «вскрыли черную грудь земли», в «Его зарыли в шар земной...» та же Земля становится мавзолеем для солдата.

Чем бы ни занимался С. Орлов после демобилизации, память о прошлом не оставляла его. Безусловно, иной ритм жизни, другие, мирные заботы — уборка сена, рыбная ловля — навевали относительно спокойные мысли; появлялись стихи о природе, о любви. Но главной, основной темой для него оставалась тема подвигов, боя, сражения, героизма и стойкости.

В танке тесном два раза горел —
Несмотря ни на что уцелел.
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.

(«Пароход покричал, покричал...»)

Герой его произведений не просто возвращается домой, но ощущает, что спасенный им родной край — это «на-

ивысшая из наград», да и дорога-то его пролегла «в Белозерск — через Берлин...». Поэт понимает, что довелось пережить такое, о чем долго затем будет вспоминаться и сниться — «и черная в небе ракета, Да свисты тонкие пуль». Душа продолжала трудиться в ритме, заданном ранее, и потребность эта была непреодолимой. И, хотя

В полях уже осыпались траншеи,
И стерлись танков тяжкие следы.
Воронки бомб бестрепетно синеют,
Напоминая тихие пруды.

До конца войны, как пишет С. Орлов в этом же стихотворении, «остались Не месяцы, а, может, только дни». Но ведь, как известно, войны не кончатся с последним выстрелом — после них требуется определенное время для перестройки, особенно психологической, моральной. Несклько позднее, буквально через год, это станет явным. А пока...

В сорок пятом Сергеем Орловым написаны стихи о том, как происходило возвращение фронтовиков в родные села и города, какими они стали, что совершили. Паренек, вернувшийся «с орденами на груди, героем», вправе сказать:

А мы такую книгу прочитали!..
Не нам о недочитанных жалеть.

Потому что он сделал все, что мог, все, что от него зависело. Думая о потомке, который когда-то узнает о том, что довелось вынести солдатам Великой Отечественной, герой предполагает, что потомок

...задохнется от густого дыма,
от воздуха, которым я дышал,
от ярости ветров неповторимых,
которые сбивают наповал.

И здесь же, словно заглядывая наперед, сомневается:

Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец.

Другими словами, герой понимает, что военные действия, в которых он принимал участие, бои, в которые он ходил, — это было не просто выполнение долга, но было тем, о чем потом скажут — «выше человеческих сил». А они делали это, и было это в их, человеческих силах. С. Орлов сумел показать то достоинство, которое присуще победителю. Достоинство уставшего человека, который довел дело до конца. Характерно здесь одно из самых глубоких и зрелых, на мой взгляд, стихотворений сорок пятого года.

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.

Заметим, что стихотворение написано поэтом спустя год после ранений. Оно как раз и подтверждает мысль о том, что в это время происходил процесс более глубокого, обстоятельного осознания пройденного, своеобразный анализ собственного опыта, понимание истинности своего места и значения в истории, — как воина-освободителя, как патриота, как рядового. Это вселяет в него уверенность, что и потомок, каким бы далеким он ни был,

...простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не может не простить.

Поэт понимает свою задачу как необходимость подробно и достоверно рассказать будущим поколениям о тех страданиях и лишениях, которые причинила народу война, о той самоотверженности, которую народ на войне проявлял.

Конечно, пытаться четко разделить любой, даже самый малый период в творчестве поэта на определенные, отчетливо выделенные этапы невозможно. И послефронтовая лирика С. Орлова здесь не может быть исключением. Наряду с произведениями о войне написал он в том же сорок пятом году немало зрелых стихотворений о родной природе. Это было вызвано разлукой с родиной, новым видением мира, большой любовью к отчему краю. И все же, думается, для самого поэта лирика в то время не стала главной. По крайней мере, до осени — зимы 1945 года.

Однако «Колодезный журавль», «У той березки, где с тобой...», «Облако за месяц зацепилось...», «Белозерье», «Поездка в Ковжу», «Зима», «Журавли» — эти и другие «мирные» стихотворения С. Орлова дают возможность говорить о нем как о поэте, хорошо знакомом с народным творчеством, фольклором, как о мастере, умеющем и теперь сказать свое слово. Появляется знаменитое «Слесари, танкисты и поэты». Душа Орлова, соприкасаясь с новой, мирной жизнью, с природой, постепенно как бы оттаивает.

Земля сама свои врачует раны,
Трубят отбой тревоги журавли, —

пишет С. Орлов в стихотворении «В полях уже осыпались траншеи...», и эти строки можно отнести к нему самому: родная земля, природа врачевали и его раны. Жизнь, однако, была нелегкой (оперировали руку, пересаживали кожу, но усилия врачей особого эффекта не дали, не ладилось в то время и с публикациями — ни в центральной печати, ни в местной), но писал С. Орлов много. Только в «Неопубликованном», кото-

рое стало известно нам спустя три года после смерти, это время отмечено такими произведениями, как «Ночные бомбардировщики», «Когда над самой головой...», «Легко и кратко гикнул пароход...», «Подо Мгою», «...Ну что судьба — ты на нее не сетуй...», неоконченной поэмой «Командир танка» и др. Поэт как бы в трудном раздумье.

Судя по воспоминаниям друзей, редко кому говорил он о том, над чем работает, свои стихи читал тоже не часто.

Но «Поездка в Ковжу» и «9 мая 1945 года» стали известны читателям тогда.

Обратимся еще раз к автобиографической заметке С. Орлова «О себе»: «Я люблю рыбную ловлю. День Победы встретил на Белом озере, в устье реки Ковжи. Ни одна травинка не колыхалась, река и озеро сливались с чистым небом — так было тихо. Вместе с встающим солнцем из озера пришла лодка; по воде далеко слышно, и до нас долетел крик с лодки: «Эй, что вы сидите? Кончилась война!» Мы глянули на огромное солнце за лодкой, не смежая век, и заплакали, не потому что на солнце нельзя смотреть без слез».

Это было 9 мая 1945 года.

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете, —
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей,
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Детали предельно достоверны: был и безрукий председатель, и флаг, и озеро, на котором в тот день С. Орлов был с И. Бузиным. Но стихотворение — не описание события, не фотография момента:

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики, стрелки, —
Для всех друзей в том мае, в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

Здесь — и понимание своей миссии, и восхищение советским воином, и предупреждение недругам. Как видим, поэт не позволил личной беде взять верх, не замкнулся в себе. С одной стороны, это в самом характере С. Орлова, с другой же — в значимости, величии события — Победы! — рядом с которыми личное отступало.

Сергей Орлов написал в общей сложности столько стихов о Победе, что из них можно было бы составить небольшой самостоятельный сборник. Это говорит о том, насколько близок и дорог был для поэта День Победы, все, связанное с теми, кто этот праздник приближал, или, как говорил сам поэт, «устанавливал». На вопрос: почему и в послевоенных, и в последующих стихах С. Орлова так отчетливо присутствует тема войны, подвига, мужества, поэт ответил сам в 1951 году стихотворением «Экзамен». Приглашенный на встречу в армейский клуб, герой испытывает сложные чувства:

...И в какое-то вдруг мгновенье
Я припомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери,
И друзей голоса в ответ:
«Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле Мги стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вслед:
«Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...»

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Как видим, речь идет и об экзамене перед лицом памяти, прошлого, и о единстве слова и дела: поэт и танкист поставлены в неразрывную зависимость друг от друга. Будучи поэтом (и тогда, в сорок пятом, в Белозерске), он оставался прежде всего бойцом, танкистом, и поэтом не писать о войне, о товарищах, о боях просто не мог. Один, выживший из сотни, он, быть может, для того и выжил, чтобы рассказать нам правду, вынести, выстрадать и выразить ее в слове. Символический экзамен поэт держал всю жизнь. Мы уже говорили, что в стихах С. Орлова редко встречаются отвлеченные образы, большей частью стихи точны, как автобиографическая проза. Не случайна и последняя строфа:

Зал откашлялся, смолкнув, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

Действительно, «спустя семь лет» — стихотворение создано в 1951 году, а в танке Орлов горел в последний раз в сорок четвертом. Но речь не столько об этой точности, сколько об ином — здесь ценно личное при-

знание («Вот сейчас я держу экзамен — Стихотворец я или нет»).

Своего рода перестройка в творчестве С. Орлова второй половины сороковых годов еще не так заметна, явна, ощутима. Но герой стихов, многое познавший и о многом размышляющий, действительно становится «мудрее и как личность интереснее». Не оттого ли, что и сам поэт, как личность, как человек, поднялся на более высокую ступень миропонимания. Всматриваясь в действительность, Орлов пытается накрепко связать ее с корнями исторического прошлого и кроной грядущего, то есть воспринимает реальность как часть неделимого времени. Это чувствуется в его послефронтовых и первых стихах послевоенных лет о Белозерье, о родной природе, о людях Вологодчины. Наряду с «Журавлями», которым даже на далеком Ниле крокодилы

...напомнят топляки,
Что плывут посередине милой
Северной сплавной Шексны-реки,

наряду с «Белозерьем», «Зимой», «На пристани», пишет он и о князе, погибшем на поле Куликовом («На городском валу заплачу...»).

В Белозерске бывшему гвардии старшему лейтенанту Сергею Орлову довелось пожить лишь около года — до лета сорок пятого. Затем он перебрался в Ленинград, где можно было и учиться, и печататься, находиться в той атмосфере, которой ему так не хватало в маленьком далеком районном городке.

В Ленинграде, словно оживший, С. Орлов работает, учится на истфаке в университете, готовит рукопись будущей книги. Так случилось, что редактором этого сборника стал М. Дудин, в дальнейшем — один из самых близких друзей поэта. В начале августа сорок шестого года книга стихов, названная «Третья скорость», была подписана к печати, вскоре она появи-

лась в магазинах и библиотеках, о ней заговорила критика. С этого момента в судьбе С. Орлова произошел один из самых крутых поворотов — он стал профессиональным, довольно известным поэтом и всю оставшуюся жизнь посвятил литературе.

На третьей скорости

Только что в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу,
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.
А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка среди огня.
Как он там в огне ревущем верит
В мирного, далекого меня!

С. Орлов

В 1946 году Сергей Орлов, поясняя, почему он дал книге такое название, напишет: «Третья скорость — боевая скорость...»

Вряд ли и редактор книги М. Дудин, да и сам автор догадывались о том, что именно с этого небольшого сборника, содержащего чуть более сорока стихотворений, действительно на третьей боевой скорости пойдет по жизни поэт Сергей Орлов. Друзья шутили: мол, ворвался в литературу на третьей скорости! Да речь о другом: многие так и остаются авторами одной книги. А Орлов писал, издавался, был читаем, и редко когда можно было видеть свободно лежавшими на прилавке книги его стихов. Но это — потом, спустя годы. А в сорок шестом...

В этом году, который он начал символическим стихотворением

Время песне настал
Выходить на работу.

Что с того, что шагала
Песня в маршевых ротах...

(«Время песне настало», 1946)

«Третья скорость» стала не только радостью для автора, она потребовала и немалых сил, выдержки, готовности к защите. Все чаще и чаще звучало требование к деятелям искусств, и к литераторам в первую очередь, перестраиваться на мирный лад. Как отметит затем Марк Соболь, «нам, фронтовым писателям, этот переходный период дался нелегко». Безусловно, люди жили новым днем, но память о войне, о близких была очень сильна. На стыке мирной и фронтовой действительности появлялись произведения, воспевающие подвиг, жизнь, победу. Однако всего лишь спустя год после мая сорок пятого началось едва ли не гонение на поэтов, продолжавших писать о войне. В октябре 1946 года «Литературная газета» публикует статью «Жизнь идет», в которой подвергается критике фронтовые поэты за то лишь, что они продолжают писать о войне. Спустя десятилетия понимаешь: писать такое мог или человек не до конца честный или же тот, кто не был на войне и кому не дано понять, что выживший обязан был сказать и за других и за себя, что слишком многое довелось пережить, чтобы вот так, в течение года от всего отказаться, все похоронить под слоем праха.

Но время... Оно живет по своим законам. В упоминаемой статье стихотворение С. Орлова «Его зарыли в шар земной...» назвали нытьем, С. Гудзенко критиковали за строки «Мы не от старости умрем — От старых ран умрем». Автор статьи изгалялся над Орловым по поводу его строки «мы все сложили в жизни, что могли», задавая вопрос: «И что же вы будете делать даль-

ше?» В тот период критика не пощадила и О. Бергольца. В той же «Литературной газете» по поводу строки поэтессы о блокадном Ленинграде «я вмерзла в твой неповторимый лед», с иронией замечалось: «Как же, сударыня, вы отныне собираетесь жить? Или в музей самоопределились?»

Кампания была в разгаре. Осуществлялась «перестройка психологии», переход на мирные рельсы. Об одном из подобных случаев недавно упомянул в статье о Ю. Друниной критик А. Турков: «И добро бы дело ограничивалось анекдотичными претензиями тогдашнего директора Литературного института, куда поступила Друнина, почему у нее в стихах «солдаты носят косы», «как в Китае» (речь шла о «светлокосом солдате» Зинке). Отзвуки некоторой растерянности, порожденной энергичными взмахами иных критических «флажков», сигнализирующих о «чрезмерной», «жесткой» памяти о только что пережитом, были ощутимы в творчестве поэтессы несколько послевоенных лет».

Как видим, не только Орлову — многим представителям фронтового поколения довелось на себе испытать горечь «перехода на мирную тематику». С одной стороны, молодость, вера в себя, с другой — общая атмосфера, когда бывшим фронтовикам, душа которых не остыла еще от атак, настоятельно рекомендовали, по словам критика Валерия Дементьева, «не задерживаться на военной тематике, видеть прошлое и настоящее «из будущего», рваться в «завтра, вперед». На деле подобные советы означали ограничение тем, стесняющую подлинного художника обязательность, заданность. И Сергей Орлов на первых порах довольно беспечно следовал за тематическими приливами и отливами, на которые так щедро была послевоенная поэзия. Вместе с друзьями-поэтами он увлекается пафосом строительства крохотных гидроэлектростанций в колхозах, даже пишет об этом поэму «Светлана», ездит на торжественные открытия каналов... стремится «густой

метафоричностью скрасить беглость и неполноту впечатлений».

«Третья скорость» дала автору литературное имя, сделала его знаменитым и стала своего рода эталоном.

В эту небольшую книгу вошло лучшее, выстраданное, в какой-то мере избранное из военной лирики.

Такие стихотворения, как «А мы такую книгу прочитали...», «Руками, огрубевшими от стали», «Карбусель», «Танки в Новгороде», и многие другие прекрасные орловские стихотворения задали тон, уровень, создали свою систему оценок.

Следующую книгу стихов С. Орлов назовет «Поход продолжается» (1948). Были и другие варианты заголовка, Орлов как-то сам говорил, что совсем было решил назвать новую книгу стихов «После боя». Но в этом — «Поход продолжается» — поэт выразил, что тревожило его в те годы — продемонстрировал верность теме, друзьям, не дал возникнуть сомнениям в том, что «третья скорость», несмотря на трудности, а временами и просто, что называется, удары ниже пояса — его постоянная скорость.

Осенью сорок седьмого года «Литературная газета» обвинила поэта в плагиате. Автор заметки утверждал, что Орлов... списал у П. Антокольского «Концерт в лесу» («У молодых поэтов, въезжающих в литературу на «третьей скорости», обнаруживаются, мягко говоря, заимствования»).

К счастью, Павел Антокольский не разделил «радости» критика из «ЛГ». Он опубликовал в «Комсомольской правде» ответную статью, в которой говорилось о недопустимости подобных передергиваний и издевательств над молодыми поэтами. Защищая С. Орлова, он понимал, что, во-первых, любого, даже крепко стоящего на ногах, литератора подобное выступление «Литературки» может сломать, повергнуть в состояние депрессии; во-вторых, смолчать — значит согласиться с тем самым принять косвенное участие в мо-

ральном избиении Орлова; в-третьих, оставить без внимания эту заметку — значит способствовать появлению других, подобных ей. Большой жизненный и литературный опыт и личные качества Антокольского позволили ему сделать именно то, что он сделал, — выступить в защиту поэта и поэзии.

Послевоенные годы требовали от поэтов не меньшей отваги, чем годы предыдущие. Не было врага, но продолжалось сражение. Не становились героями, но продолжали страдать от боли, а иногда и погибать. Значительным событием для всей фронтовой когорты стало Первое Всесоюзное совещание молодых писателей. Его организовали Союз писателей СССР и ЦК ВЛКСМ. Сергей Орлов был одним из его участников. Общение Орлова с братьями по перу прибавило ему сил и уверенности, сделало его имя известным другим участникам совещания...

Михаил Луконин, Юлия Друнина, Сергей Наровчатов, Михаил Львов, Мустай Карим, Александр Межиров... Собирались ли еще когда вместе столько талантливых молодых людей, не знающих еще о своей будущности и своем месте в литературе, но в то же время ни на миг не сомневающих в том, что поэзия — главное дело их жизни.

Вспоминается одно из последних совещаний, VIII... Может, время стало иным, а может, и молодые поэты... Редкой искрой было вспыхнувшее вдруг заинтересованное обсуждение, истинный, неподдельный интерес к творчеству другого, восторг от удачной строки. То и дело доносилось до слуха: «рекомендация», «в Союз», «книгой»... Не зря наша признанно терпеливая современная критика все же не выдержала: «Путь в литературу для многих и многих авторов сегодня облегчен. И спрос с них не очень суров. Мол, молодозелено... А этим «зеленым» зачастую под сорок лет, с них уже и не спрашивать надо, а требовать. Немало среди «начинающих» и таких, которые сами не знают

(если опять-таки не иметь в виду материальные блага), чего хотят. Этакие избалованные питомцы муз, возносимые совещаниями и семинарами, предисловиями и напутствиями» (Вадим Дементьев).

А ведь с сорок шестого года прошло немногим более сорока лет. Но как не почувствовать огорчения современного критика и как не согласиться с ним?

Сорок пять стихотворений, опубликованных в «Третьей скорости», сделали имя Сергея Орлова широко известным, и к Первому совещанию произведения поэта-танкиста знали уже многие. Так же, как и он знал на память стихи Недогонова, Воронько, Соболя... Судьба, которая позволила всем им не погибнуть на войне, выжить, написать лучшие свои строки, наконец, встретиться, поговорить, чему-то поучиться друг у друга, свела их. Вот как сам С. Орлов оценивал значение этой встречи в статье «Читая стихи товарищей»: «Только что отгремели залпы победного салюта, на землю сошел мир, и все те, кто прибыл на это совещание в Москву, принесли с полей Великой Отечественной войны в своих полевых сумках и планшетах стихи, которые ныне стали частью памяти народной, и прозу, которая входит во все хрестоматии советской литературы». С уважением и любовью вспоминает Орлов тогдашних молодых еще преподавателей, вернее даже — братьев-учителей, сотоварищей-наставников: Николая Тихонова, Павла Антокольского, Александра Прокофьева, Михаила Светлова, Владимира Луговского, Степана Щипачева.

Потом, спустя годы, размышляя о творчестве поэтов военного поколения, он поставит рядом с четырьмя знаменитыми строками Друниной:

Наши критики — наши судьбы:
Вознести и распять вольны.
Но у нас есть суровой судьи —
Не вернувшиеся с войны.

Известные луколицские стихи все о той же ответственности перед памятью, перед совестью, перед самим собой:

Смеюсь над мельтешением наивным,
вадыхаю о товарищак своих, —
они звучат во мне неслышным гимном,
смотрю на вас,
а думаю о них.

Ничем я не увенчан, не украшен —
винтовка на брезентовом ремне.

Не знаю, как оно —

бессмертье ваше, —

мне моего
достаточно вполне.

Как под огнем прицельным,
перекрестным,

стой, обелиск.

Не отвожу лица.

Он вам, живым, остался Неизвестным,
а я-то видел этого бойца.

Живу сверх меры

празднично и трудно

и славлю жизнь на вечные года.

И надо бы мне уходить оттуда,

а я иду, иду, иду туда...

Стихи эти по своему накалу и боли, по ощущению времени созвучны произведениям самого Орлова.

Всесоюзное совещание дало молодым авторам не только возможность познакомиться друг с другом, сравнить свое творчество с творчеством товарищей, выверить оценки, оно дало и уверенность в том, что труд их не остается незамеченным, что они нужны стране, народу. Это было большой моральной поддержкой, сильным эмоциональным толчком.

Послевоенный быт увековечен в десятках произведений: с жильем туго, с цитатами не сладко. Но поко-

ление Орлова было молодо и упорно не хотело замечать будничных забот. Чепуров, Дудин, Хаустов, Давыдов — они ходили часами по проспектам и улицам Ленинграда, говорили, говорили, говорили... Было о чем. У них, вернувшихся с войны, свое представление о нравственных ценностях. Потом уже, годы спустя, скажет об этом В. Торопыгин: «Сейчас, когда я вспоминаю годы ранней юности, первые студенческие годы и хочу определить самое характерное в личности и творчестве Сергея Орлова тех лет — тоже студента, только на семь лет старше, чем многие его однокашники, пришедшие в университет не со школьной скамьи, а с войны, — я склоняюсь к тому, что это, самое характерное, можно определить так: постоянные поиски ценностей».

Это те неизменные, непреходящие общечеловеческие ценности, которые, восприняв как свои личные, собою открытые, выверенные и пережитые, поэт явил нам затем в стихах. Именно в это время пишет он непривычные, с первого взгляда даже словно бы на орловские стихи, вошедшие спустя годы в его замечательную книгу «Городок» (1953): «Старый буксир», «Бакенщик», «Плотогон», «Гидроэлектростанция»... Мирные, добрые, глубокие стихи о людях, написанные по внутренней необходимости, по велению сердца. Они, конечно, не всеми воспринимались однозначно. Вот что писал К. Симонов, в то время главный редактор «Нового мира», Сергею Орлову. Письмо датировано декабрем 1947 года.

«Я прочел Ваши стихи и стихи Ваших товарищей. Из шести присланных Вами стихотворений по-настоящему мне понравилось одно — «После боя», я считаю его принятым в журнал и с удовольствием напечатаю сейчас или, если Вы хотите пополнить его другими стихами (я думаю, что в этом есть смысл), то тогда позже пришлите еще.

Второе стихотворение, которое мне понравилось, но

не безоговорочно, это «Пленные». Есть в нем и привлекательная сторона, но есть и что-то, что мешает тому, чтобы оно понравилось до конца, что-то во второй части, но не могу, однако, сообразить, в чем дело: не то так прямовато слишком и грубовато, не то в идее самой есть какая-то червоточинка. Во всяком случае, отложим его. Еще подумаю, и Вы подумайте.

Из остальных стихов мне представляются более интересными стихи: «Человека осаждают сны», «У огня своя архитектура»; но первое из этих стихотворений очень путаное, хотя и с хорошими строчками посредине. В стихотворении «У огня своя архитектура» слишком много красот, а рядом с красотой почти всегда поселяется безразличие; и белые церкви в Софии, и костел за Варшавой, и наши села — все это у Вас идет в одном поэтическом ряду и звучании, а в душе-то ведь совсем не так. И получилось в стихотворении, что не стихи из-за этого села возникли, а село возникло из-за того, что так красиво выходило по стихотворению.

Стихотворение «Песнь» и «Гидроэлектростанция» мне совсем не понравились: чистые и аккуратные стихи, ни в чем не отличающиеся от бесконечного числа таких же, которые я читаю — поверьте мне на слово — в очень большом количестве.

Вот вам и все начистоту.

Теперь о стихах Ваших товарищей...»

Сейчас, по прошествии десятилетий, особенно явно видны и несовпадения вкусов, и пристрастия... Но, думается, К. Симонов был излишне строг к поэту, а стихотворение «Человека осаждают сны», вероятно, просто было не понято им.

Человека осаждают сны —

Смутные видения войны.

Он хрипит, ругается и плачет

В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы.

Стрелок фосфорических усы.

Он лежит — седой и одинокий —

Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты

Догорают, и грохочет гром.

Время меж закатом и рассветом

Человек проводит под огнем.

Быть может, у старшего поколения, которому довелось знать и Халхин-Гол, и Хасан, и финскую, и Великую Отечественную, была несколько иная память?

Вопрос спорный. Но вспомним — и у Орлова, и у Друниной, и у Смольникова, Старшинова, Викулова в разное время появляются стихи-болы, стихи — воспоминания о войне. Не похожие одно на другое, и в то же время помимо воли выстраивающиеся в один ряд, ибо они — от одного корня.

С войны не возвращаются. Не лги,

Что будто бы с нее вернуться можно.

Она лишь затаится осторожно,

Когда, вернувшись, скинешь сапоги.

Она, как в рукаве пустом рука:

Ее уж нет, а все болит к ненастью.

Она — слепой осколок твой, что, к счастью,

До сердца путь не отыскал пока.

Подписывают мир не для солдат.

Одним лишь павшим он сигнал отбоя.

А тот трубач, что в бой нас вел с тобою,

Он все трубит — и нет пути назад.

Это — Алексей Смольников, друг Орлова, тоже поэт-фронтовик. Значит, есть какая-то закономерность, какая-то подспудная необходимость появления таких стихов, вернее даже — невозможность их непоявления.

Стихотворение «После боя» действительно замечательное, оно могло бы стать «гвоздевым», «несущим» в любой подборке.

А «Гидроэлектростанция» — энергичное, простое и глубокое. И образ реки в нем — живой, я бы даже сказал — живописный:

Здесь, сужаясь и приседая,
В зеленых зарослях ивняка,
Вниз с плотины, почти седая,
Вертикально летит река.

Это — зримо.

Так, может быть, каждому времени — свое прочтение? И я хочу сейчас читать и понимать стихи Орлова так, как позволяют мой опыт, моя жизнь.

А, может быть, тогда «мирные» стихи Орлова не воспринимались именно потому, что за поэтом укрепилась репутация «родившегося на полях сражений»? И это не исключено. Ведь даже в начале шестидесятых Сергей Наровчатов писал в «Известиях»: «Критики все чаще заглядывают в наши стихи для того, чтобы подкрепить цитатой одну из своих дежурных фраз о «поколении, родившемся на полях сражений». Что же случилось с этим поколением, ее мало интересует. Раз и навсегда она отвела ему место между 1941 и 1945 годами. Что ж, это почетное место. Но ведь с тех пор многие из поэтов-фронтовиков ушли далеко вперед... В еще большей мере это относится к ленинградцу Сергею Орлову. Героя-танкиста поставили на пьедестал, возложили несколько критических венков к подножию и погрозили пальцем: «Не смей сходить!» А Орлову неохота маячить на пьедестале, хотя бы и в наизидание потомкам. Он ведь еще живой! И вот он бродит по вологодским лесам, толкается по районным городкам, заглядывает в избы, дома — пишет стихи. Но это мало кого интересует. Как однажды сфотогра-

фировали его рядом с горящим танком, так и прикладывают этот снимок куда надо и не надо».

Как не согласиться? Да так ли уж просто все было, если возникла необходимость доказывать свое право на тему. С одной стороны — странное требование не писать о войне, с другой — невозможность не писать о ней, внутренняя потребность, наконец, долг. Выбор предстояло сделать каждому в отдельности, каждому — свой. Оказалось, за право на тему необходимо бороться. Посвященное С. Орлову стихотворение Анатолия Аквилева «Тяжелый след» — разве в нем не о том же?

Тяжелый след.
Упрямый след.
Под пулеметами
Ползком...
Еще мне, может, двадцать лет
Плеваться одерским песком.

Еще я вижу до сих пор
В зрачках погибших в этот день —
Как брошенный войне укор —
Вовсю цветущую сирень...

Так кто ж осмелится сказать
Когда-нибудь тебе и мне:
Война прошла,
Зачем писать
О том, что было на войне?

Но ведь осмелились. О том, к чему это привело, лучше всего сказал сам Орлов, выступая на собрании ленинградских писателей в декабре 1954 года: «После того как я выпустил первую книгу стихов о войне, со всех сторон стали раздаваться голоса, что я хочу, дескать, писать только о войне, но это, мол, дело легкое, не главное, главное — нужно уметь писать обо всем

другом... И я с болью и горечью думаю теперь о том, что перегорело в душе, не выплеснулось на бумагу в свое время, когда горячий ветер еще обжигал лицо, когда я остро ощущал запах газойля и угарный газ стреляных гильз кружил голову... и подвиг советского воина предстал в неописуемой красоте впервые увиденного до конца явления... К сожалению, мы верили этим «учителям» и, расширяя круг своих тем, совершенно отошли от темы, которая нас породила, — военной темы».

Судя по тому, сколько раз потом и Орлов, и другие поэты военного поколения вернутся к размышлениям о «перестройке», «вышедшем паре», о праве на тему, происходившее в конце сороковых годов больно задело каждого из них за живое. Их реальный фронтовой опыт, то, что приобреталось на поле боя, рядом со смертью, теперь вроде бы оказался ненужным. Это унижало, лишало творческого запала, гасило воображение. Иногда казалось, что планы, сложившиеся в сознании (да что там планы — жизнь), рушатся. Тончайший нерв — творчество реагировало на малейшие изменения. А тут спустя десять лет, в одном из февральских номеров «Лит. газеты» за 1957 год, Л. Лазарев в связи с выходом нового орловского сборника, «Стихотворения», писал: «Окончилась война. Поэзия перестраивалась на мирный лад. Это был не простой процесс, который осложнялся еще и тем, что порой его весьма неразумно форсировали. Наибольшие трудности переживало поколение поэтов, к которому принадлежал С. Орлов... жизненный опыт их был ограничен войной... Внешне С. Орлов сравнительно благополучно пережил это трудное время. Он упорно работал, не умолкал на долгий срок: одна за другой выходили его книги. И все же общий кризис не миновал и С. Орлова. Поэт утратил тот высокий драматизм, который был присущ его военным стихам».

Утрата высокого драматизма? Это наиболее цивили-

ная, эстетизированная претензия. Скорее всего, мысль эта появилась у критика после прочтения «Городка», в котором прояснялись или проявлялись чуждые критику пристрастия поэта. А может быть, сказалась инерционность мышления, ориентированного на предыдущие оценки? Впрочем, мнения о творчестве Орлова были весьма противоречивы, и, прислушавшись поэт к советам и рекомендациям критиков, ему пришлось бы туго. Одна газета писала: «Неудивительно, что военная тема стала ведущей в творчестве поэта», вторая не соглашалась: «Однако и самые верные литературно-критические оценки могут оказаться неточными, узкими, неполными, если их по инерции перенести на все дальнейшее творчество поэта... А ведь и по сию пору утверждается, что С. Орлов — поэт прежде всего сугубо военной темы, певец молодого военного поколения». В контексте этого разговора мне показалось точным слово, употребленное Л. Аннинским: «Критика, по-прежнему ожидавшая от Орлова стихов о войне, сочла, что он в кризисе...» Вот оно, это слово, — «сочла»! Но насколько он был реален, этот «кризис», если результатом его стали прекрасные стихи? Не о войне, не о сражениях...

И все же сам поэт на Втором Всесоюзном съезде советских писателей скажет: «Военная тема дорога мне, и я надеюсь, что мне удастся написать хорошие стихи о подвигах советских солдат во имя Родины».

Второй Всесоюзный съезд состоялся в конце 1957 года, — к этому времени С. Орлов был уже автором восьми книг. В этом же году он окончил Литературный институт, в Ленинграде вышла книга «Стихотворения». То есть, другими словами, он уже давно сложившийся поэт. И все же он — в поиске, эксперименте. У него возникает неодолимое желание проверить себя другими темами. Ему хотелось писать не по рекомендации — по велению души о том, что он наблюдал, с чем сжилсь, Ведь и потом долгие годы он

одинаково хорошо и с одинаковой заинтересованностью писал о войне, о природе, о любви, о космосе, о дне сегодняшнем...

Как мы уже говорили, после «Третьей скорости» в 1948 году выходит в свет книга стихов «Поход продолжается», в которой еще преобладают стихи о войне; через два года в Вологде издается поэма «Светлана», а на следующий год в ленинградском издательстве «Молодая гвардия» появляется еще одна «Светлана» (1951). 1952 год ознаменован выходом в свет «Радуги в степи», а 1953-й — «Городка».

Вряд ли можно предположить, что такая работоспособность поэта была вызвана «кризисом». Но не случайно и то, что, говоря о вышедших в те годы книгах Орлова, чаще и охотнее всего останавливаются на «Светлане» и «Городке». Первая из них, по мнению некоторых критиков, иллюстрирует определенный схематизм, присущий многим произведениям того времени, увлечение поэта пафосом строительства в колхозах модных тогда маленьких электростанций. О второй книге («Городок») принято говорить, как об итоговой для того периода в творчестве Сергея Орлова.

Лирический герой поэмы «Светлана», в котором угадывается портретное сходство с автором («В рубцах ожогов левая щека, — Да это же танкист наверняка!»), приезжает на лето в далекий колхоз «Светлана». Основное событие, которое обсуждает и переживает колхоз и которое, естественно, стало центром поэмы — строительство гидроэлектростанции на двести киловатт. Вот что говорит герой, председатель Ипатов:

Сегодня на собрании вопрос
О станции решает наш колхоз.
Так вот, отцу не нравится проект
Соединенья двух колхозных рек.
«Не по плечу, кричит, и рановат
Проект. Куда нам двести киловатт!..»

Хозяевать умеет мой старик,
А вот к масштабам новым не привык...

Долго и подробно описывая обсуждения, споры, размышления, строительство, Орлов пытается показать читателю необходимость создания ГЭС. Один из героев говорит: «Я скажу без обмана — ГЭС нужна до зарезу... Чтоб под осень так было: Река молотила. И в избах светила. Река — это сила». Ему вторят, приказывая реке «Крутить большие жернова, Деревне ток давать, Леса пилить, в домах светить В колхозной стороне, Пора пшеницу молотить, Работать на гумне...» И даже в уста влюбленных автор, стремясь показать исключительную важность строительства, вкладывает слова о плотине:

Степан говорит Валентине:
— Валя, я вижу тоже
Под небом ночным и синим
Огни покоренных рек.
Турбины взрвут тревожно,
И мы провода раскинем,
И явью станет проект...

Степан, прочитавший роман Ажаева, толкует его применительно к своим, местным обстоятельствам. И это импонирует автору, он замечает: «Влюбленных я уважаю, — И то, что читают они».

После многих событий, связанных со строительством ГЭС и детально описанных в «Светлане»,

Красоты знаменитой
Получилась плотина.

Читая подобные поэмы той поры (даже относительно знаменитые «Колхоз «Большевик» и «Весна в «Победе» Н. Грибачева, обе удостоенные Государственных премий), понимаешь, что, вероятно, тогда все же в них была необходимость, именно в таких: казалось бы, схематичных, с выраженной направленностью, даже зада-

ностью. Но вот прошли десятилетия. И поэму «Светлана» я нахожу в одной из лучших книг Орлова — в сборнике «Белое озеро» (1975). Зная тщательность, придирчивость и даже беспощадность, с которой Орлов отбирал стихи при составлении сборников, можно предположить, что самому автору поэма была чем-то дорога. Ведь «Светлана» — не только о строительстве ГЭС, она — о людях колхоза, об их судьбах, их жизни. И ценна поэма уже одним тем, чем ценны бывают старые фотографии: на них жизнь запечатлелась такой, какой была в момент съемки — без приукрашивания, без домьсла. Не случайно на выход поэмы в свет откликнулись такие журналы, как «Новый мир» и «Октябрь». Кстати, о предыдущей книге «Радуга в степи» написали Ю. Олеша в «Новом мире», К. Симонов в «Литературной газете», С. Владимиров в «Звезде» и А. Решетов в «Ленинградской правде».

О «Городке», вышедшем в 1953 году, писали и говорили не меньше. Но вслушаемся хотя бы в названия рецензий: «Хозяева земли», «Судьба современника»... Что-то чувствуется в этих словах уверенное, спокойное. И сборник, показавший новую грань дарования Сергея Орлова, получился плотным, емким, добротным. Валерий Дементьев, говоря о книге, сказал, что она «сейчас чем-то напоминает «Районные будни» Валентина Овечкина».

Здесь немаловажно напомнить, кто герои «Городка» и в какое время Орлов писал стихи, вошедшие в эту книгу. Герои — рабочие, жители районного городка (в котором без особого труда угадывается Белозерск) — бакенщик, плотогон, паромщик... А написаны стихи во второй половине сороковых, в то самое время, которое считается в творчестве Орлова кризисным.

«Городок» — книга, утвердившая в литературе поэта, умеющего понять и объяснить психологию работника, его заботы; умеющего перенести на бумагу его живой портрет, его говор, интонацию, настрой, душев-

ное состояние. Но главное — чувство достоинства в этом человеке — то самое, без которого невозможен был бы и XX съезд — съезд победителей.

Со страниц «Городка», как из уютного, домашнего семейного альбома,

Смотрят, как живые, с фотографий —
Ретушью прикрашены слегка,
Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.

Стихи проникнуты теплотой, легкой грустью, полны любви к родным местам. В них выразился взгляд человека, вернувшегося с войны домой, где все вроде бы осталось прежним и в то же время все стало иным, ибо иным стал он сам, потому что за плечами — война, а детское, юношеское ушло безвозвратно.

На его дощатые мостки
Наконец ступил я ныне летом,
Повстречались мы, как земляки,
И протолковали до рассвета.

Он мне все показывал лицом,
Просто и без хвастовства, как надо —
Новый тротуар и новый дом,
И деревья выросшего сада.

. . . . .

Я тогда спросил его о том,
Где теперь знакомые ребята,
С кем ходили в детстве босиком
И из юности ушли в солдаты.

Отвечал он кратко: на Цимле,
В Ленинграде, в Куйбышеве, в Горьком —
Горожане есть на всей земле,
Даже дипломат один в Нью-Йорке.

Не узнать ребят, по всей стране
Крупными ворочают делами,
И выходит так, что наравне
Славой мы с большими городами.

Стихотворение «У себя дома» — своего рода ключ к прочтению сборника, не случайно оно помещено Орловым в самом начале книги. Становится ясным, что, с одной стороны, читателя ждет рассказ о городе, в котором лирический герой давно не был, — значит, неминуемы открытия, свежий взгляд, свежие краски; с другой стороны, ясна и цель автора — показать (и доказать), что райцентр «наравне славой» с большими городами.

«Маленький, смешной и популярный Мастер фотографии», «мастерица кружевной артели, гордость наша, местный соловей» Шура Карапулина, «пресноводный житель длинных рек» старый буксир, «вопреки Стихиам всем, на совесть призванный Следить за веками реки» бакенщик, «в отцовском пиджаке, курносый» пятнадцатилетний плотогон, хозяйка гостиницы «Марья Гаврилова — зам. и зав., Директор она и уборщица» — вот они, те, с кем предстояло сродниться читателю, взявшему в 1953 году в руки книгу стихов «Городок». Но значит ли это, что читателю пришлось открывать для себя Орлова заново? Нет, и не только потому, что в третьем разделе сборника — стихи о границе, о службе, солдатском быте, то есть стихи, внешними атрибутами напоминающие прежнего, фронтового, военного Орлова. Орловской — доброй, человечной, мудрой — осталась вся интонация книги. С возрастом человек меняется внешне, но от этого он не перестает оставаться тем, кем был все предыдущие годы.

В одной из предыдущих глав уже упоминалось стихотворение «Экзамен», оно завершает сборник «Городок». Приглашенный в воинскую часть, поэт читает стихи.

Он сдает двойной экзамен: перед погибшими друзьями («Что ж, послушаем и проверим — Стихотворец ты или нет») и перед юными солдатами («Что ж, слушаем и проверим — Ты на деле танкист или нет»). «Городок» тоже стал для Орлова экзаменом. Выдержанным экзаменом, или, как теперь говорят, сданным. На зрелость, на тему, на глубину чувств.

Судьба поэта и его творчество, биография личная и биография его произведений — все это теснейшим образом переплетено, и всегда можно отыскать ту отправную точку, которая стала началом стихотворения, тот факт жизни, который привлек внимание художника и затем, творчески осмысленный, стал фактом литературы. Среди произведений Сергея Орлова пятидесятых — шестидесятых годов немало стихов, родившихся в результате поездок и путешествий. Поэт побывал почти во всех республиках Советского Союза и за рубежом — в Польше и Германии, Чехословакии и Вьетнаме и др.

...Это отнимало много сил и времени, но и обогащало — встречи, впечатления. Только в 1961 году он побывал в Баку, Латвии, Бурятии, Молдавии, Новороссийске. И везде выступал, давал интервью, писал...

Одним из самых запомнившихся и Орлову, и его спутникам был первый круиз вокруг Европы.

Теплоходу «Победа», отправившемуся в рейс из Одессы, предстояло проделать 9906 километров. На его борту собралось четыре с половиной сотни туристов из 27 городов Советского Союза, среди них — немало писателей. Достаточно назвать такие имена, как К. Паустовский, Р. Гамзатов, Д. Гранин, А. Решетов... Впереди — двадцать шесть дней пути. Впереди — встречи с Неаполем и Афинами, Стамбулом и Парижем, Помпеей и Амстердамом — четырнадцатью городами семи стран. Это был всего лишь третий подобный рейс, поэтому понятен интерес иностранцев к русским, о которых столько писали в те дни газеты. «Сергея Орло-

ва старались снять фоторепортеры, чтобы показать: вот он, бородатый русский мужичок! Из 450 наших туристов и 200 членов команды теплохода он один носил бороду, да и то вынужденно. В буржуазной газете под фотографией Сергея Орлова мы однажды прочитали: «...Русский поп с теплохода «Победа» — так писал «по горячим следам» в «Советской Эстонии» вернувшийся из поездки И. Курчавов.

«Нас узнавали повсюду. Безошибочно. В парижском метро к нам с Орловым подошли двое, муж и жена, и сразу: «...Здравствуйте!» Эмигранты. А мы ведь стояли молча. Казалось, ничем не выделяемся. В бочках, без пиджаков, у Сергея борода рыжая, скорее, похож на норвежского моряка. А они — «Здравствуйте!» — вспоминал спустя десятилетия Д. Гранин, признававший, что в те годы они не самое большое внимание уделяли одежде и удобствам — «я видел себя самого, в молочного цвета туфлях, которые мне одолжил Сергей Орлов», или — «нам-то с Сергеем Орловым было все равно, где спать, мы могли уснуть хоть на самой турбине. Вскоре мы и устроились на палубе, ложились там вповалку на брезенте под зелеными звездами южного неба».

Они были молоды, неудобств не замечали, если, конечно, неудобства эти не касались души, не заставляли ее изменять самой себе. Дэниил Гранин вспоминает случай, когда в Варне Орлов встретился с однокашниками по Литинституту. Естественно, долго разговаривали, пели, читали друг другу стихи. Спыхватились, когда до отправления теплохода оставалось совсем уже мало времени — неслись бегом, и подниматься пришлось по веревочной лестнице, так как трап уже убрали. Нашлись тогда среди туристов и такие, кто считал этот «по поступок» едва ли не аморальным и требовал снять «штрафников» с теплохода и отправить домой. Паустовский отказался подписывать это «требование», ответив: «Разве у нас воинская часть?.. Мы едем

смотреть. Мальчики засмотрелись». Но затем их все же вызвали в каюту «на проработку». «Допрос» вел атлетического сложения молодой человек.

«— Послушай, — сказал Серега тому атлету. — Ты где был на войне?»

Был он, оказывается, в Москве, а потом в Куйбышеве.

— А мы на фронте были. Танкистами были, — пояснил Серега. — Чего же ты нас пугаешь, дяденька?

Придя с войны, мы делили всех мужиков на фронтовых и тыловых... Мы отправились на палубу и пели под руководством Сергея Орлова: «Всю Европу за три перекура...» Была такая солдатская песня последнего года войны».

Незначительные с виду эпизоды — мало ли подобных или отдаленно похожих в жизни каждого? Но в том же 1956 году пишет он «Акрополь», «В Риме», «В голубой мечети», «На Босфоре», «У берегов Испании», «Встречи в Париже...». Пишет не путевые заметки, зарисовки, наброски, но пытается понять и осмыслить действительность капиталистического мира, отношение людей к Стране Советов. Разговаривая в переполненном туристами Риме с молодыми парнями — итальянскими шоферами, поэт понимает, что

...Эти парни видели во мне
Мир их надежды, родину Советов.

Стоя в голубой мечети в Стамбуле, он отмечает красоту здания, изящность, воздушность купола,

Но, зная, молитвы о насущном хлебе
Не могут уместиться и под ним! —

приходит он к выводу, насмотревшись на жизнь бедного люда в Турции. Внимательный, пристальный взгляд поэта на окружающий его мир не давал ему не

заметить социальную несправедливость, неравенство, угнетение одних другими, деградацию человеческой личности. Одним из произведений, толчком к созданию которого послужила случайная встреча с русскими эмигрантами в Париже, стало стихотворение, которое он так и назвал — «Встреча в Париже». Эмигрант, утверждавший, что в Советском Союзе «с искусством плохо, Зашла поэзия в тупик», воспринимается поэтом как идеологический противник.

...Все это было б эпизодом
Без обобщенья, но не раз
Встречался я за эти годы
С прищуром лютым мертвых глаз.

И я стихи с моим заданьем
В бой вывожу — не на парад,
И нету сосуществованья
На фронте, там, где я солдат.

Четкость позиции, когда речь шла об идеологии, всегда была присуща Орлову.

Читая стихи Орлова, написанные им в поездках или после них, отчетливо видишь симпатии и антипатии автора, чувствуешь его состояние. Вот «Мост через Бен Хаи»:

Песня шла, гремя, не затихая,
С болью, с верой в то, что это будет,
Будет день, — пройдут по мосту люди
Над рекой медлительной Бен Хаи.

Или — «Раковина залива Ха Лонг» — о подаренной поэту вьетнамским рыбаком раковине, вобравшей в себя барабанный бой, шум ливня, вздохи буйволов, звон паруса, — звуки созидания, а не войны.

Критика не раз обращала внимание на одно из

стихотворений С. Орлова, «Ноги в руки, ветер в спину...», в котором поэту удалось в сжатой форме сказать о происходящем в начале семидесятых годов в Китае.

Пусто в городе Пекине,
Все дома темным-темны,
Только звезды в небе синем
Над Пекином зажжены.

Два китайские солдата
Повстречались нам впотьмах,
Два знакомых автомата
Дулом книзу на ремнях.

В этом стихотворении не только наблюдательность, внимание к деталям, но и, что важно, — стремление понять, осознать и показать реальную ситуацию, боль за случившееся. Не случайно в стихотворении четыре раза повторяются строфы о «знакомых автоматах Дулом книзу на ремнях», становясь неким поэтическим символом. В этом же ряду и «Памятник танкистам в Мукдене».

Но стихи о зарубежных поездках в творчестве поэта занимают незначительную часть.

Сергей Орлов любил ездить и много ездил по родной стране. Все это не могло не найти отражения в его произведениях. Вместе с А. Безыменским, М. Дудиным, Д. Самойловым и другими литераторами входил он в состав бригады газеты «Правда» на Волго-Балте, рассказывал о строительстве канала. В эти годы некоторые произведения пишутся им в соавторстве с М. Дудиным: поэтический репортаж, посвященный XXII съезду партии, «Слава труду» и др. Личная дружба поэтов-ленинградцев стала и творческим содружеством еще с тех пор, как М. Дудин готовил к печати орловскую «Третью скорость».

Значительным произведением, созданным совместно Сергеем Орловым и Михаилом Дудиным, стала кинобаллада «Жаворонок» (1964), по которой вскоре был снят художественный фильм.

Баллада о том, как пленные советские танкисты вынуждены испытывать танк на вражеском полигоне; как экипаж решает вырваться из плена, и чудом это удается сделать; в глубоком вражеском тылу полным ходом идет русский танк, вызывая панику среди фашистов и радость — среди пленных, угнанных в Германию; о том, как, спасая маленького мальчика, погибает один из героев... — сложно пересказать почти 80 страниц текста. Да и к чему пересказывать — достаточно лишь напомнить, и многие поймут, о чем речь, хотя фильм давно уже не появлялся на экранах. Опубликованная отрывком в «Сельской жизни» и целиком — в майском номере «Звезды» за 1964 год, кинобаллада вызвала интерес читателей. Ко времени публикации Н. Курихин уже вел съемки на «Ленфильме». Так что же такое «Жаворонок»? Вымысел, быть, факт? Как вспоминали сами авторы, сценарий вырос из небольшой заметки, обнаруженной ими в газете. Сообщалось, что с немецкого танкодрома, на котором в упор расстреливались танки Т-34 (испытывалось новое оружие), вырвалась одна машина и нанесла врагу немалый урон. Это — о сюжете. А о том, как он выполнен, хорошо сказала М. Ильина в «Лит. газете» за 9 мая 1964 года: «Это не первая совместная работа Дудина и Орлова. Они вместе написали несколько поэм. Но в новом их произведении органично и цельно соединились наиболее яркие стороны дарования обоих поэтов: приподнятость, патетичность поэтического слова Дудина и глубокий психологизм, философское начало, присущее творчеству Орлова. «Жаворонок» — произведение очень своеобразное по жанру, во многом напоминающее поэму в прозе».

На третьей скорости... Много раз эти слова относили ко всему послевоенному творчеству поэта — ведь они наиболее точно и образно отражают суть Орлова — поэта и гражданина. Но, как мы уже говорили, третья скорость — это скорость боевая. В силах ли, в состоянии ли человек долгие годы работать в таком боевом напряжении, с полной выкладкой? Орлов был депутатом горсовета, консультантом по поэзии, секретарем правления СП РСФСР, наконец, просто поэтом. Все это требовало уйму времени. (А сколько еще писаных и неписанных обязанностей «висело» на этом человеке!) И вдруг — на третьей скорости... Лично я эту скорость чувствую почти физически, когда беру в руки книги С. Орлова — стихи в них редко повторяются, все больше — новые. Не там ли, не на фронте корни той третьей скорости, которая символизирует в данном случае и работоспособность, и талант, и психологизм, и стремление быть в гуще жизни, отдавать как можно больше — людям, литературе, стране. Или — не в Литинституте ли продолжение, развитие этих корней: не могло пройти бесследно общение с Юлией Друниной, Николаем Старшиновым, Евгением Винокуровым, Константином Ваншенкиным... С 1949 по 1954 год — это ведь немало, это — эпоха в нашей быстротечной жизни.

А может быть, лишь по привычке или за неимением другого употребляем странное это словосочетание — на третьей скорости?.. Наверное, есть скорости и другие, и Орлов в шестидесятые годы, особенно в конце их, в своем движении несколько опережал применяемые к его творчеству оценки? Выходит много его книг, о нем пишут, авторитет его возрастает. Вот уже и «Дружба народов» приглашает заведовать отделом поэзии, и секретарское кресло в Союзе писателей ждет... А до этого — «убыточный отдел» «Невы». «Убыточный отдел» — это из шуточного стихотворения М. Дудина о том периоде, когда... Впрочем, его лучше читать, чем пересказывать:

Орлов Сергей в «Неве» руководил
Поэзии убыточным отделом.
Ни времени, ни силы, ни чернил
В своей работе трудной не жалел он.

Он ежедневно преступал порог
Редакции и думал о победе...
И сам редактор вытащить не мог
Его домой намеком об обеде.

Он отощал и сердце запустил,
И поредел в усердьи бороною.
Поэзия, известно, много сил
Берет, здоровью пригрозив бедою.

. . . . .

Орлов печатал в журнале хорошие стихи, чему в немалой степени способствовали вкус, требовательность, умение и желание работать. Подмечено, что люди творческого склада чем больше работают, тем больше хотят работать и тем больше успевают. Шестидесятые—семидесятые годы стали для Орлова пиком его общественной деятельности. Они были заполнены встречами, поездками, выступлениями. Одна за другой появляются и самые значительные его книги — «Колесо», «Мой лейтенант», «Верность» (за книгу «Верность» поэт был удостоен Государственной премии РСФСР), «Костры...».

Этот период творчества поэта отмечен такими шедеврами, как «Мой лейтенант», «Одна любовь», «Дионисий», «Кто был изобретатель колеса?..», «А кто такой Бартоломей Диас?..», и многими, многими другими, в которых проявился философский склад ума поэта, его стремление к познанию, напряженность мысли, постоянно наполненной размышлениями о судьбах людей и мира. И по-орловски серьезны стихи поэта о любви.

Голос первой любви моей — поздний, напрасный, —
Вдруг окликнул, заставил на миг замереть

И звучит до сих пор обещанием счастья...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?..

Над горячей землей от Москвы до Берлина
Пыль дорог, где отстать — хуже, чем умереть,
И в бинтах все березы, в крови все рябины...
Голос первой любви моей, как ты мог уцелеть?

На тесовой калитке снежок тополиный,
Холодок первых губ, как ожог, не стереть,
А года пролетели, их, как горы, не сдвинуть...
Голос первой любви, как ты мог уцелеть?!

Стихотворение, оставляющее в душе вместе с чувством трагедийности одновременно и ощущение светлой грусти, отчасти и гордости за человека, сумевшего обречь в себе первую любовь, несмотря ни на какие испытания и удары судьбы. Стихотворение, вызывающее к жизни мысли о загадочности человеческих чувств, их неподвластности времени. И в то же время — естественное удивление, переданное автсром в вопросе: «Голос первой любви моей, как ты мог уцелеть?»

Стремлению понять, как хрупкое чувство может пережить общечеловеческие, мировые потрясения, как оно может не только выжить, но и остаться животворной для человека силой — посвящена и поэма «Одна любовь». Сергей Орлов редко писал только о любви. Интимная, казалось бы, лирика тесно сплеталась во едино с социальностью.

Я все о ней, о ней и о себе,
И, кажется, о времени ни слова,
Но разве не оно в моей судьбе
И горестей, и радостей основа!

Поэма о любви читается и как поэма о времени, о том, чем были наполнены бурные годы юности и зрелости героев. Возникают знакомые уже нам Мга

и Псков — война; пути-дороги... Любовь воспринимается поэтом, как чувство, возвышающее людей, делающее их талантливее, счастливее, и потому влюбленный поступает так:

Как будто не бывало до меня
Ни Пушкина, ни Данте, ни Петрарки.

Демократизм этого чувства — не исключительность, избранность — а доступность и возможность его, его облагораживающую силу подчеркивает поэт. Вероятно, это отблеск того миропонимания, которое сформировалось у людей военного поколения.

Четыре года, вечности четыре —
Огня, брони, снегов, госпиталей —
В исхлестанном свинцом и кровью мире
Меня в любви не сделали взрослей.

Не случайно и в этой поэме, и в других произведениях Орлова о любви так или иначе, но присутствует память о минувшей войне, о том, чего эта война лишила, на что она заставила посмотреть другими глазами.

Вот тут бы взять ее и увести
На край земли навеки за собою,
В луга, где тонко куличок свистит,
Мягкая трава и дремлют маки стоя.

На край земли... Я видел край земли —
Окоп солдатский с бруствером горбатым.
Там маки крови рыжие цвели
И травы пахли толом горьковатым.

«Одна любовь» — это повествование о людях, которых сводит и разводит, и снова сводит вместе судьба. О меняющихся людях в меняющемся мире. Все здесь.

находится в движении — даже чувства, которые тоже подвержены изменению, в зависимости от возраста героев, ситуации. Но в отличие от произведений, в которых основой конфликта и всего повествования является чувство и отношение к нему героев, или, другими словами, борьба за счастье, как неперемненное условие любви, «Одна любовь» завершается строками, которые могут с первого взгляда показаться непонятными:

Пусть счастье наше личное война
Легко разбила, как стекло, на части,
Но есть любовь — сильней войны она,
А кто сказал, что нет любви без счастья?

Последняя строка этого четверостишия заслуживает особого внимания, потому что содержит то, что в свое время так хорошо было сформулировано Анной Ахматовой: «Вы все пытаетесь удержать Орлова в ряду. А он — из ряда».

Это «из ряда» в умении видеть необычное в привычном, без чего не бывает поэзии, как открытия. И еще — в умении выявлять праздник. Вот простое, бытовое занятие — мытье полов. Но как видится оно поэту? «Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют». И уже не обычное действие перед нами — но действие:

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду,
Тяжелым косарем раздроблена дресва,
Со щелоком парным и грацией свободы
На праздник утверждаются права.

Казалось бы — до разговора ли тут о празднике, происходит самое что ни на есть рядовое, будничное — хозяйки занимаются уборкой. И даже сам этот праздничный взгляд на их нелегкий труд должен быть неудобным, неуместным. Но отчего же не чувствуется неудобства? Читая, понимаешь, что идет приближение празд-

ника и что само по себе это — уже тяжелая работа; понимаешь, что праздников не бывает без будней:

...Здесь дело не простое,
Здесь каждый бы из нас за две минуты взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза, и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более — красив.

А во дворе горят половики полотна,
Как радуги на кольях у ворот.
Хозяйки моют пол под праздник, в день субботний,
И праздник настает...

Весь цикл стихотворений, к которому можно отнести и «Мытье полов», и «Свежий хлеб», «Щи», «Кружка молока», утверждает жизнь в ее привычных, даже заземленных, бытовых проявлениях, утверждает и возвышает. И от этого сами предметы приобретают иную ценность, прибавляя к своей материальности некий внутренний, духовный смысл. Силою поэзии автор одухотворяет, одушевляет их. Помните детские стихи Орлова о тыкве, смеющейся капусте, алом маке? С возрастом, с течением лет этот взгляд на растительный мир, как несущий в себе некоторые, присущие человеку, свойства, не только не притупился у Орлова, но и наоборот — обострился. Долгое время я не мог понять, почему из множества первоклассных орловских стихов о мужестве, о любви, о космосе, о природе, наконец, переводчики отбирали стихотворение с непоэтическим названием «Щи». Стихотворение, где «каравай раскрыт, как Библия», «а вот уже и лавры возданы», — своего рода гимн не просто блюду, не просто человеку, готовящему щи, но — жизни в широком ее смысле: жизни — кормилице. (И невольно вспоминается «Жизнь Званская» Державина!)

ЩИ

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты.

Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятенье,
Прохлада тени, запах мяты,
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты;

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым
Оброненной зарей кумачной.

Поэзия опубликована,
Все начинается, как вызов,
Сталь синяя секиры кованной
И плаха, струганная снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей, разумом,
В своей работе наторелым,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан,

А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие,
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как Библия.
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

Это — «Щи» Орлова, стихотворение, которое трудно было бы вписать в творчество поэта, не зная его «Городка». Но давайте вспомним теперь несколько строк из «Жизни Званской». Вспомним, прочитаем и постараемся услышать знакомые интонации. Как сказал один из исследователей творчества Державина, А. В. Западов, поэт здесь «с полной серьезностью возвел в достоинство поэзии описание съестных припасов». В достоинство поэзии!

Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь, икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием, иль чуждых стран приправой:
А что опрятно все и представляет Русь;
Припас домашний, свежий, здоровой.

Чем вошли в историю литературы 252 строки «Жизни Званской»? Не перечислением блюд, но тем чувством, с которым блюда эти описаны. Так мы останавли-

ливаемся перед «Натюрмортом с омаром» Абрахама ван Бейерена, искренне не понимая, почему это буйство красок названо «мертвой натурой».

«Щи» Орлова — из этого же ряда произведений, заставляющих внимательнее взглянуться в уже много раз виденное, чтобы открыть в нем невиданное доселе. Подобное происходит при чтении стихов Л. Мартынова, которого, кстати, Сергей Орлов открывает для себя именно в это время. Но то, что для Мартынова было постоянным, а потому и естественным, у Орлова проявлялось в виде всплесков, пиков, выражавшихся в обостренном интересе к определенной теме, образу, предмету. Так, дав читателю привыкнуть к себе как поэту-танкисту, к мастеру изображения батальных сцен, Орлов обнаруживает вдруг себя и как знаток родной истории, знаток архитектуры, живописи. Появляются «Дионисий», «Петр Великий в Вологде», «Старая фреска», «Сказы о Дионисии», «Монолог воина с поля Куликова»...

Профессионально разбиравшийся в живописи (здесь достаточно свидетельства такого мастера, как академик Мыльников), Орлов много времени проводил в Ферапонтовом монастыре, где были обнаружены фрески Дионисия. Подвиг древнего живописца, создавшего замечательные произведения, и послужил толчком к написанию «Дионисия». Высокое искусство всегда импульсивно, оно благотворно влияет на хранящиеся в человеческой душе зерна добра и красоты.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни пел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Чем же так тронула, задела поэта за живое роспись храма? Тем, что в ней светилась любовь художника к родной стороне, и чувство это было так велико, что сохранилось на века и передавалось каждому входяще-

му. Сам влюбленный в Вологодчину, Сергей Орлов остро почувствовал настроение живописца, его состояние.

Я видел рай не на небе,
Он в душу мне запал.
Его художник нанятый
В церквушке написал.

Но неподкупна кисть его.
И вот живет века
Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,
С брусникою, опятами, —
Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,
Его на стенах каменных
Изобразив как рай!

Образ Дионисия, столь близкий поэту, не покидал Орлова долгое время. И вот уже появляются «Сказы...» с примечательным эпиграфом, взятым из старинной грамоты, — «рубить в высоту, как мера и красота скажут». В этих сказах живописец предстает перед читателем прежде всего человеком.

Разворачивая тряпицу,
Яйца в жестких пальцах лупил,
Обдирал сухую плотицу,
Запивал водой и всходил
На помост.

Но вот этот человек, «рыжий, будто мирской крестьянин», принимается за дело и — преображается. Ду-

ша его поет в работе, и песня эта на века остается в красках. Орлов через все произведения проводит основную мысль: делом и только делом велик на земле человек; никакие иные заслуги — красота, красноречие и прочие не пойдут в заслугу и будут погублены беспощадным временем, если только они не направлены на создание реальных ценностей, способных заставить воспарить душу, принести людям добро. Почему осталось в веках искусство Дионисия? Потому, что

Было здесь ему не до славы,
А до правды было ему.

Размышления Орлова о сущности, о целях искусства приобрели в «Сказах...» наиболее законченную форму, сконцентрировались в лаконичные формулы. Правдивое искусство, питаемое соками родной земли, родной природой, всегда выиграет в борьбе со временем. Именно поэтому

Льется добрый и чистый свет
Стен, расписанных Дионисием.
Ни ярыг архиерейских нет,
Ни царей, ни владык, ни иноков.

Лишь лучшее в душе, то, что было без остатка отдано народу, — с любовью и верой, без сожаления, —

Это наше было и будет.
Словно реки, поля, холмы,
Это людям дарили люди.

Размышления о причинно-следственных связях в истории, о взаимоотношениях человека и времени, о постоянной борьбе человека за право оставить свой след в вечности вылились в такие произведения, как «Икар и Дедал», «Ах, этот протопоп опальный...», «Идея. Правда. Мысль или Мечта...». Поэт пытается дойти до первооснов, до начала начал. «Кто был изобретатель колеса?» И мы вдруг вспоминаем, что дей-

ствительно не знаем имени того, кто явил миру одно из гениальных творений рук человеческих — колесо. «А был изобретатель колеса, — утверждает Орлов. — Оно в природе не существовало. Пока на белый свет не родился Великий гений, неизвестный малый». Чем заинтересовал его забытый всеми древний изобретатель, к чему вообще понадобилось вспоминать о нем? Здесь еще раз видим и отношение поэта к человеку, наделенному способностью видеть необычное в примелькавшемся, наделенного, в сущности, поэтическим видением мира, творчеством: «А он на мир не так, как все, смотрел, Без подражанья мыслил, без сравненья».

Пытаясь посмотреть на многие вещи вокруг себя «без сравненья», поэт обнаруживает вопросы, которые не может оставить если не без ответа, то хотя бы без постановки проблемы, исходя из того, что дело литературы не давать готовые ответы, а заставить читателя самостоятельно думать. В один ряд со стихотворением об изобретателе колеса можно поставить и стихотворение «А кто такой Бартоломей Диас?». Кто помнит, что Диас «Африку когда-то обогнул. Впервые обогнул ее по морю?». Это событие за множеством прочих исчезло из памяти целых поколений. Зачем Орлову, поэту, столь близко и чутко чувствовавшему современность, пульс времени, потребовалось писать о путешественнике пятнадцатого века? «Мир шире стал, чем был, для всех для нас» благодаря отважному мореплавателю. А разве этого мало для поэта?

Ответственность. Это чувство, присущее Орлову всегда, в последнее десятилетие его жизни было особенно острым. Многие из написанного он не публикует — стихи скапливаются и скапливаются в ящиках стола. Другим жалуется: «Книжку сдавать пора, а новых стихов мало, писать некогда». После его смерти, как уже говорилось, Виолетта Степановна обнаружила более трехсот законченных стихотворений. Но — не

публиковал. Зато прошедшее личный контроль и выпущенное на страницы газет, журналов и книг становилось значительным явлением для читателя, для поэзии. «Невская Дубровка», «Второй», «Слово о Циолковском», «Баллада о кораблях», «Христос распят, но жив Иуда...», «Умер маршал. Нет, не умер маршал...» и еще целый ряд замечательных стихотворений, появившихся в те годы, доказательно иллюстрировали творческий взлет Орлова. По-прежнему его тревожили воспоминания о войне. Писал стихи о современной армии, размышлял о судьбах мира... Одной из удач стало и стихотворение «Мой лейтенант», несколько строф из которого вынесены в эпиграф этой главы, и вынесены не случайно, ибо в «Моем лейтенанте» наиболее полно отражено сложное человеческое чувство ответственности за сделанное — перед своей юностью, перед павшими на фронте. Строгий и беспристрастный судья, он, следящий из прошлого за каждым нынешним шагом, ничего не прощает. Его не обманешь. Вспоминая далекого себя, поэт пишет, что «лейтенанту в неполных двадцать лет» многое предстояло совершить, и он делал свое дело потому, что «вся Россия за спиной», потому, что осознавал: «что в сравнении с Россией Жизнь моя?» И в том «огне ревушем» потому выживал, потому побеждал, потому страдал лейтенант, что верил в мирного, далекого человека, который будет жить благодаря его, лейтенанта, победам. Будет жить честно, открыто — за себя и за тех, кто остался навечно в окопах.

Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.

Бой идет. Кончаются снаряды,
Лейтенант выходит на таран.

Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!

«Стихотворение «Мой лейтенант» — это поэтическая автобиография его поколения, это лирическая исповедь с пристрастной, ярко эмоциональной самооценкой поступков, свершенных и не свершенных лирическим героем. У каждого из нас есть такой свой лейтенант», — пишет об этом произведении Валерий Дементьев. Действительно, стихотворение построено на противопоставлениях: духовного и материального; тогда и сейчас; на моментальном перемещении во времени. Наблюдаемая нами борьба в душе лирического героя — это, в сущности, борьба за себя, за спасение духовной чистоты, борьба за право жить в соответствии с высокими принципами, которые были выверены еще в юности, когда на одной из чаш весов была жизнь и «выбор был небольшой...». Поэтому лирический герой и признается: «Я ему завидую почти».

Жизнь одна-единственна — можно ли прожить остаток ее, постоянно помня о том, что сам себя предал? Поэтому, призывая в помощь доброго, «как Иванушку из сказки», и «беспощадного, словно сам Марат», лейтенанта, герой принимает единственное, лишнее компромиссов, решение:

Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.

«Мой лейтенант» — стихотворение, ставящее сложные, болевые нравственные вопросы. Сила его в точной выверенности чувства.

Многие критики назвали стихотворение «Мой лейтенант» программным в творчестве поэта. Не зря и Валерий Дементьев свою книгу о Сергее Орлове назвал «Мой лейтенант».

Поход Орлова продолжался. На третьей скорости, как сам он когда-то определил.

Писались стихи. Складывались в ящик стола. «А когда поэт ушел из жизни — так неожиданно, так рано, — началось нечто похожее на чудо. В письменном столе, в шкафу, на антресолях, в чемоданах (у Орлова никогда не было так называемых «архивов») жена его стала находить одно за другим никогда не публиковавшиеся ранее стихи. Их набралось не на одну книгу.

Считается, что все объясняется только необыкновенной строгостью и требовательностью поэта к себе.

Но, зная скромность Сергея, я все-таки позволю себе не согласиться с общим мнением. Объяснение этого «чуда» видится мне в другом. Перегруженный своими многочисленными общественными обязанностями и обязанностями рабочего секретаря правления Союза писателей РСФСР, обязанностями, в которые он вкладывал всю душу (сколько периферийных литераторов вдруг слышали междугородный звонок и характерный голос Орлова, спрашивающего, не нуждается ли человек в чем-нибудь), поэт просто... забывал про свои стихи, набросанные часто то на обложке старого журнала, то на какой-нибудь открытке, то на случайном листке бумаги, засунутом между страницами книги.

Да, забывал, просто руки не доходили, потому что на первом месте у Орлова всегда было общественное, то есть дела товарищей «по цеху».

И ведь мучился тем, что все время не хватало стихов для очередного сборника!»

Так напишет Юлия Друнина в «Литературной газете» 14 августа 1985 года.

«Чем объяснить, что вполне законченные произведения находились в рукописях и поэт не спешил с опубликованием их? Я убежден — огромной требовательностью к себе, удивительным чувством ответственности перед читателем, тем общественным значением,

которое придавал С. С. Орлов поэзии как искусству, помогающему формированию нравственного облика человека», — не согласится с мнением поэтессы Олег Шестинский в предисловии к посмертной книге Орлова «Заряды и дым».

Как бы там ни было, но и новые сборники стихов Сергея Орлова стали уже фактом литературы. Более того — они органично продолжили ряд прижизненных изданий поэта.

Поход продолжается.

На третьей скорости.

«И наш полет необратим...»

Молчит земля перед дорогой,
В путь отправляя сыновей,
Скрывая радость и тревогу
От всех людей за всех людей.
И космодром, выдавший виды,
Весь тишиной продут насквозь.
«Даешь Вселенную!» — как выдох,
Чуть слышно кто-то произнес, —
Похоже, что седой, с глазами
Мальчишьими, сам генерал.
— Вы что-то, кажется, сказали?
— Нет, просто вспомнил,

не сказал...

Сергей Орлов

Не раз было отмечено, что из произведений С. Орлова на тему космоса можно составить отдельную, самостоятельную книгу. Сам он этого не сделал, к сожалению. Стихи и отрывки из поэм остались разбросанными по сборникам, газетам, журналам...

Загоревшись еще до войны, будучи школьником, идеей полета на другие планеты, мыслью о внезапном происхождении человека, С. Орлов затем остался верен ей до конца жизни.

Слово «хаос» древние греки употребляли, желая сказать о беспорядке, неразберихе, и, наоборот, в про-

тивовес хаосу существовало состояние, которое греки определяли словом «космос», — это значило не только «Вселенная», но и гармония. Вероятно, Орлов потому и полюбил космос, потому и мечтал о нем, мог говорить часами, что космос был для него чем-то, дополняющим земное, вечное бытие природы и человека.

С. Орлов до такой степени тесно сжился с космической терминологией, образами, понятиями, что, даже говоря о поэзии и ее задачах, употреблял для сравнения такие слова, как «ракетная система», «звезды», «планеты»... «Поэзия, как наука, — средство познания мира и служит человечеству. Расстояние между человеческими душами — этими своеобразными звездными мирами — не измерить ничем. Для того чтобы преодолеть расстояние между планетами и познать другие миры, человечество стало строить космические корабли. Для того чтобы преодолеть расстояние между душами и познать их, существует такая ракетная система, как поэзия. Наука выводит ракеты в космос, вооруженная всем, что имеется у нее в наличии. В отличие от поэзии, она уже точно знает, какое расстояние до планет, скажем, до Луны или Марса. Ей известно, что до ближайшей звезды, подобно нашему Солнцу, в созвездии альфа Центавра сорок миллионов километров, четыре световых года. До недавнего времени наука считала, что космическое пространство между планетами ничем не заполнено, что космическое пространство пусто. Но оказалось, что это не так, между планетами нет пустоты. Солнечные протуберанцы, потоки космических частиц, гигантские вихри энергии заполняют пустоту.

Пространство, которое необходимо преодолеть космической ракете поэзии, не скажу, чтобы исследовано до конца, но с тех пор, как существует поэзия, оно никогда не считалось пустым; в нем поля могучих социальных энергий, пламя политических протуберанцев.

С какой стати поэзия должна закрывать на это глаза и изобретать пустоту, которой нет».

«Космическая» лирика С. Орлова — это лирика прежде всего философская; герой стихов не только чувствует себя частью космоса, но и стремится познать законы развития Вселенной — планет, разума. Поэтому столь часты у Орлова экскурсы в историю. Знакомство еще в отроческие годы с трудами Циолковского во многом расширило не только познания, но и круг интересов поэта.

Передо мною несколько газетных вырезок из личного архива Сергея Орлова. На некоторых из них его рукою помечены выходные данные — название газеты, дата выпуска, некоторые — безымянные. Интересно, чем в свое время привлекли его внимание эти сообщения?

«Земля вращается быстрее на одну двухтысячную секунды... Ученые предполагают, что причиной более быстрого вращения нашей планеты могут быть как перемещение масс внутри земного шара, так и необычно высокая температура в Южном полушарии. Так, отмечают потепление в Антарктике, затяжные ливни в Аргентине, Бразилии и Австралии и засухи в Юго-Восточной Азии и Западной Африке».

Или — заметка с интригующим заголовком «Потерянное звено»: «Результаты углеродного анализа показали, что захоронение, недавно открытое на севере штата Виктория, является древнейшим материальным свидетельством о народе, жившем в Австралии десять—двадцать тысяч лет назад. Антропологическое исследование останков позволило ученым установить их принадлежность к неизвестному доньше типу древних австралийцев с физическими характеристиками, не свойственными современным аборигенам и их далеким предкам, которые населяли пятый континент более 25 тысяч лет назад.

Особенно заинтриговали ученых форма черепа и необычно массивная челюсть, которая по размерам близ-

ка к челюсти гейдельбергского человека, обитавшего в Европе на много сотен столетий раньше...»

Или — сообщение о найденной археологами во Франции кости доисторического животного, на которой обнаружены письмена, вырезанные человеческой рукой. «Это открытие, полагают ученые, может послужить доказательством того, что наши предки, возможно, «пробовали говорить» еще за 50—75 тысяч лет до неандертальца, считающегося в настоящее время «отцом» человеческой речи».

А вот заметка из «Правды» за 24 февраля 1974 года о высеченных в камне загадочных лицах, которые были обнаружены в 400 километрах от города Трухилье в Перу: «...фотографии и записи дают многим ученым повод полагать, что в Гран-Пахатен существовала цивилизация, отличная от всех доньше известных и превосходившая их по уровню развития. Они относят руины к так называемой «культуре Антисуйо», существовавшей за 20 тысяч лет до нашей эры. А некоторые из ученых даже называют их «самыми ценными руинами на земле».

Кто же обитал в этом «зеленом аду», как называют перуанцы загадочные руины? Кому принадлежали безмолвные каменные лица? Как они умудрились жить в этих местах и почему исчезли?

На все эти вопросы пока еще не найдено ответа...»

Обыкновенные газетные вырезки... Но вспомним еще студенческое, петрозаводское стихотворение «Копье». Оно ведь тоже родилось из небольшой информации о раскопках на родной Вологодчине.

Из каменного века предок этот
Копье закинул в наш, двадцатый век.

В те годы, когда Орлов начинал писать о космосе, эта тема действительно была сродни фантастике. Да и в конце пятидесятых — начале шестидесятых еще ощущалась эпохальность, масштабность свершенного—

все было впервые. Но вот выросло новое поколение, для которого выход человека в открытый космос, стыковки на орбите, многомесячные полеты — это будни, работа. Как оно, это новое, казалось бы, ничему уже не удивляющееся поколение, воспринимает орловский космос? Да так же, как и все творчество поэта в целом — с удивлением и благодарностью. Потому что поэтическое открытие — это открытие в иной степени, в ином измерении. И Сергей Орлов сумел показать нам не просто абстрактную, отвлеченную Вселенную, но — Вселенную земную, увиденную глазами любящего Землю и все на ней человека.

О «звездном небе надо мной и моральном законе во мне» говорят сейчас нередко, но почему-то при этом многие опускают первую часть знаменитого умозаключения Иммануила Канта, а как раз она-то и несет в себе ключ к истинному смыслу слов. «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» (выделено мною. — *И. П.*). «Чем чаще и продолжительнее мы размышляем» — то есть не от случая к случаю, не по прихоти, но — по необходимости, по требованию души, по требованию сущности самого человеческого существования на Земле.

Поэт был предан космосу долгие годы.

С написанного в военные годы «Потомок наш о нас еще вспоманет...» до одного из последних, опубликованного уже после смерти Орлова «Земля летит, зеленая, навстречу...». Эпоха, начавшаяся в апреле 1961 года, для Орлова в отличие от тысяч и тысяч других не была откровением. Конечно, вместе со всеми он радовался, восторгался, но, как бы точнее это сказать... в какой-то мере он был более подготовлен к восприятию этого события. Подготовлен собственным творчеством. Ведь написаны им были и пьесы «Требуются до-

бровольцы на Марс», и многие стихи, даже поэмы. Удивительно ли, что, впервые встретив Юрия Гагарина, Сергей Орлов произнес: «А я ведь вас давно знаю»? Нет, не удивительно, потому что о человеке, прорвавшемся в космос, поэт думал почти всю свою жизнь, сжился с этим человеком, действительно давно знал его.

Мир безначальный, бесконечный...
Мы, пассажиры на земле,
Летим, а мимо свищет вечность,
Сверкая звездами во мгле.

Куда — уму непостижимо,
К судьбе неведомой какой,
И Млечный Путь, как лента дыма,
Блестит над самой головой.

Эти строки были написаны в 1945 году. Едва придя в себя после ранений, С. Орлов пишет много, в том числе и о космосе. Видимо, развитию этой темы способствовало и то, что страна, народ выиграли такую войну, как Великая Отечественная, подвиг каждого в которой требовал осмысления, показа его в новых, масштабных формах. Не случайно в том же сорок пятом году появляется замечательное стихотворение Орлова «Слесари, танкисты и поэты...», в котором поэт предвидел не только полет человека в космос, но и более поздние, более значительные достижения науки:

Мы еще на дальние планеты
Корабли Союза поведем —
Слесари, танкисты и поэты,
Мы на желтую Луну взойдем.

Способность осмыслить войну, участником которой был он сам, позволила Орлову взглянуть на планету глазами тех, кто погиб, кто «зарыт в шар земной», и глазами тех, кому завещано было жить за себя и за

погибших. В сорок пятом году пишет он и стихотворение «Ну что судьба — ты на нее не сетуй...», в котором описывает планету словно из космоса:

Вгляни на мир широкими глазами,
Завещанный друзьями в смертный час,
И вот ты, весь его увидев, замер...
От полюса до полюса, лучась,
Земля вертится, накрываясь грозно,
И метлы пальм на тропиках с небес
Сметают за полночные звезды,
И вздрагивает в них, сверкая, Южный Крест...

Это один из наиболее часто употребляемых Орловым приемов — взгляд из Вселенной. И что удивительно, точный взгляд — в последнем цитированном стихотворении говорится и о том, как

За жемчугом ныряльщики в лагунах
С ножом в руке кидаются на дно.
Геологи втыкают альпенштоки,
К отвесным скалам привалясь плечом...

Полноте, возможно ли видеть все это за сотни километров?! Но написанные более сорока лет назад строки практика подтвердила спустя десятилетия. Доктор философских наук Ю. Школенко пишет, что «космонавт Виталий Севастьянов невооруженным глазом увидел из «Союза-18» домик в Сочи, где он родился. А ведь по первым снимкам Земли с таких же самых орбит нельзя было даже судить, обитаема ли наша планета».

Увлечение Сергея Орлова темой космоса было серьезным. Друзья иногда даже иронизировали над поэтом. Так, 5 июля 1959 года в областной вологодской газете «Красный Север», в воскресном номере, появляется стихотворение М. Дудина, посвященное С. Орлову. Обратите внимание на «космическую атрибутику» в нем:

В росе деревья белой ночью седы.
Ерши с плотвой не начинают клев
И слушает туманность Андромеды
Полночных вологодских соловьев.

Но что мне Андромеда, постоянство
И жизнь и путь иных небесных тел!
К твоей душе упрямое пространство
Пока еще я не преодолел.

Звезда к звезде, — мигают и дробятся
На перепутье скрещенных орбит.
Как мне, скажи, к душе твоей добраться
Сквозь космос отчужденья и обид.

...Мы уже говорили о способности поэта словно предвидеть события (не случайно Станислав Лем предложил С. Орлову писать фантастику), писали об этом и другие исследователи его творчества. Но вот передо мною сентябрьский номер «Литературной газеты» за 1962 год. Сообщение о работе межпланетной станции «Марс-1», которая уже удалась от Земли на 1 миллион 664 тысячи километров. А рядом — воспоминание С. Орлова об одной из летних встреч того года в Чехословакии, во время которой его «по секрету» спросил шахтер: «Скажи, скоро ли вы пошлете в космос новый корабль с человеком?»

«Что я ему мог сказать? Можно было бы ответить, что я не знаю, так как не причастен к межпланетным полетам. Но ведь он задал вопрос так, как будто считал, что я должен знать. А мне подумалось: а что, в самом деле я не знаю?! Ведь я знаю свою страну, свой народ лучше, чем мой собеседник. Мне вспомнилось виденное совсем недавно — огни города Волжского у подножия Волгоградской плотины, открытый каспийскому ветру многотысячный, такой же ковенький, с иголки, город Сумгаит, средний возраст жителей которого двадцать семь лет, колхозы Молдавии, песен

ные хоры Прибалтики, жаркие студенческие дискуссии. Я вспомнил бетонные твердыни, вставшие на синей холмистой реке Ангаре, трассы дорог, летящие через леса и степи, лица моих соотечественников на заводах и в полях, затаенное дыхание многотысячной толпы молодежи на площади Маяковского в Москве, слушающей стихи в день поэзии. Я вспомнил многое... И я сказал шахтеру с уверенностью главного конструктора. Да, скоро! Скоро снова полетит в космос наш человек.

И через месяц это свершилось. Но я все-таки ошибся — в космос полетел не один, а двое советских людей — Николаев и Попович. Этого я не мог предположить».

Знать наверное, знать точно, несомненно — не мог. Но и в том, что это произойдет, тоже не сомневался. Написанное до полета Гагарина, в 1957 году, стихотворение «Свет звезд идет к Земле годами» является в этом смысле еще одним доказательством. Земля и Вселенная существовали в его сознании слитно. А история Земли — часть истории Вселенной. Космос в его стихах очеловечен, близок. Как Земля принимает свет давно рожденных звезд,

Вот так же свет Земли, России
Вселенной принимать дано.

Земной свет поэт видит не только как поток частиц. Для него сияние, исходящее от родной планеты — это нечто значительно большее, живое, несущее в себе волнения и бури Земли. Свет, отраженный планетой и унесшийся в «межзвездную темноту» десятки лет назад, унес с собою информацию о буденновских колесницах, и потому

В созвездье Лиры пыль клубится,
Горят костры, блестят штыки,

сообщая космосу о революции:

Так у звезды Полярной где-то
Семнадцатый бушует год.

Поэт уверен в том, что любое значительное событие в жизни людей, да и жизнь людей происходит на виду у всей Вселенной (как и ее жизнь — на виду у нас), дело только во времени: когда наш, земной свет дойдет до других звезд. Но если раньше только свет мог быть связным между мирами:

Метет метелица стальная,
И гнется Млечный Путь под ней,
Клинками сабель озаряя
Папахи, бурки и коней,

то теперь в лавине этого света устремляется в неизданное и созданное человеческими руками:

К мирам в космической дали
Уже несут, звеня, ракеты
Звезду Кремлевскую Земли.

Космические мотивы в творчестве С. Орлова имеют скорее эмоциональное, нежели рациональное, начало. Поэт остро чувствовал тему, она его волновала. Быть может, именно по этой причине и появляются чисто «земные» ассоциации («церкви — ракеты»). Не имея с научной точки зрения доказательств своей гипотезы, поэт опирался больше на чувства, ощущения, движения души.

Лирический герой стихотворения «Мне этот город с кирпичами, костелами...» приходит к выводу, что костел не случайно по форме отдаленно напоминает ракету: может, его построили земляне в память о космических пришельцах, а может, и сами пришельцы?

«Церковь — микрокосм, как микромир — игрушечное царство ребенка...» (Д. С. Лихачев). Создавая свой «микрокосм», С. Орлов все больше и больше расширял его границы. Речь в данном случае не столько о дока-

зательствах той или иной орловской «космической» гипотезы, сколько о философском осмыслении бытия человеческого. Эта счастливая способность, требующая постоянного риска быть не понятым окружающими, и толкала Орлова на создание произведений о космосе.

«Как-то Орлов предложил мне написать пьесу о первых космонавтах. Это было задолго до запуска наших космических ракет. Мы сидели у него, в Ленинграде, на Малой Посадской, и он рассказал одну из очередных если не теорий, то, условно назовем, теорем. Тут же набросали план будущей пьесы», — вспоминает Дм. Хренков. Таких планов и замыслов было множество, о чем свидетельствуют и черновики, и опубликованные отрывки, и начатые, но незавершенные произведения. При этом важно отметить, что Сергей Орлов не «эксплуатировал тему», что некоторые современные поэты делают беспощадно, а скорее наоборот — шел впереди темы, не боясь заблудиться. Именно поэтому его «космические» стихи актуальны и злободневны до сих пор, до сегодняшнего дня, когда космос стал ареной борьбы, когда в нем пытаются разместить смертоносное оружие.

Говоря об этом непростом и интересном направлении в творчестве С. Орлова, важно понять, что тема космоса, Вселенной, разума, гармонии была для него не просто увлечением. Она была частью его самого, частью его поэзии. Это не удивительно — обращение к Вселенной традиционно для мирового и особенно русского искусства, «тема космическая исходит к древности, развивается в веках. Это тема мировоззрения, философская и поэтому художественная... Благоговел перед грандиозностью Вселенной Ломоносов: «Открылась бездна, звезд полна...» Примерно столетие спустя Тютчев мысленно уже видел Землю из Вселенной: «...и мы плывем, пылающею бездной со всех сторон окружены».

Пылающая бездна! «Потоки солнечного света в кос-

мосе «застылают» звезды, хотя небо остается черным». Русский поэт предвосхитил ощущение космонавтов...

«С наступлением космической эры произошел, быть может, малозаметный, но глубокий сдвиг в нашем восприятии и мышлении.... Теперь появился эпитет «хрупкая» применительно к нашей в общем достаточно твердой планете» (Школенко Ю. Новый мир. — 1983. — № 10).

Тайны Вселенной волновали поэтов во все времена. Но во второй половине двадцатого века, когда человечество вплотную приблизилось, стало осваивать и использовать космос, это извечное волнение приобрело оттенок тревоги. В неоконченной поэме С. Орлова «Семь дней творенья» тревожный мотив чувствуется с первых же строк:

Улетали с Марса марсиане
В мир иной, куда глаза глядят.

Что же случилось, откуда эта безысходность — «куда глаза глядят»? Что заставило марсиан покинуть родную планету?

Гасло солнце в даях безответных.
Гасло солнце! Что еще искать?
Умирала ржавая планета...

Описывая трагедию происходящего — вымерзающие моря, опустевшие города, вечную темень, С. Орлов не только поэтически воплощает одну из своих гипотез о происхождении жизни на Земле, но и предупреждает: наша планета находится в той же системе, что и Марс, у нас одно Солнце. Используя космос, не доводите до трагедии.

Тыщи лет катились вспышки света
Через космос, в сторону Земли.
На нее, на синюю планету,
Молча улетали корабли.

Но ведь может статься, что и улетать некуда будет, да и — некогда? Поэму «Семь дней творенья» С. Орлов писал в последний год жизни, она осталась незавершенной. Но беспокойство о будущем человечества наполняет и более ранние, начиная с послевоенных, произведения поэта о космосе, и читатель охотно прощает поэту фактические неточности (так, с Марса до Земли лететь не «тыщи лет», а 259 суток), доверяясь высокой поэтической мысли автора.

В предисловии к одной из книг о космонавтике летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза В. Аксенов заметил: «Создание промышленных баз на Луне, марсианских кораблей, космических электростанций, использующих Солнечную систему, многие склонны считать проблемами, которые предстоит решать будущим поколениям. Однако реальная действительность такова, что молодые читатели этой книги наверняка будут принимать самое непосредственное участие в их решении». Другими словами, наступает время реализации фантастических замыслов. С. Орлов не допускал сомнения в этом, был настроен оптимистично, потому что понимал: будущее за наукой.

Звезда мерцает в голубом пространстве,
Но, может, не мерцает, а зовет...

В этих строках нет вопроса, скорее — размышление, приближающееся к утверждению. Вообще в стихах С. Орлова о космосе больше утверждений, чем сомнений и вопросов. Мир Вселенной столь близок поэту, что он представлял его зримо, образно, как не только реальную действительность, но как реально *осязаемую* и м действительность.

Только что закончилась кровопролитная война, только стал привыкать к новой жизни, входить в колею искалеченный, обожженный войною человек. Но наряду с земными проблемами волнуют его уже и во-

просы мироздания — душа в отличие от тела не терпит приказов и ограничений.

Медленно вращается Земля,
И летят планеты по орбитам.
Молодой галактики поля
Мглой белесоватою покрыты.

А с Земли в упор на мир глядит
Человек, упрямый и сметенный.
Сколько человеку предстоит
Дела в неизведанной вселенной?

Взгляд с планеты в космос (так же как и из космоса — на Землю) позволяет поэту сделать образ лирического героя конкретным. Что же волнует его, почему так пристально вглядывается он в темное небо? Не потому ли, что

...нет ответа с Марса и Урана,
Немы планеты на краю орбит...
В ночи трепещет тонкая мембрана,
А космос молча звездами пылит.

Но и не потому ли, одновременно, что с интересом к инопланетным цивилизациям человек не теряет интереса к собственной планете, которую полагает «не совсем обжитой».

Сказав еще во время войны, что человек сильнее машины, ибо он выдержит все, а она — всего лишь стальная, поэт, описывая и «холодную вечность», в которой не только «планеты плывут по орбитам с шуршанием, И где-то кометы, хвосты распутив, Летят по путям громовым мирозданья», но в которой и «дороги не изведаны еще», с уверенностью пишет о том, что

Придет человек — от планеты к планете
Протянутся вдаль верстовые столбы.

«Слово о Циолковском», «Семь дней творенья», «Баллада о кораблях» и «Баллада взлета», «Птица Сирина», «Хвала не взлетевшим ракетам», «Мне этот город с кирками, костелами...» Кстати, последнее из перечисленных произведений, «Мне этот город с кирками, костелами...», не просто неожиданный, но несколько необычный взгляд на происхождение человека. Что на сей счет известно нам со школьных времен и студенческих кружков? Во-первых, попавшие на Землю существа погибли, вымерли, так как тела их оказались не приспособленными к здешним условиям, а разум не смог найти применения; во-вторых, походив-побродив и разочаровавшись, пришельцы снова погрузились в свой корабль и покинули планету; в-третьих, им все же удалось обнаружить разумную жизнь, но дистанция была слишком велика, и инопланетяне, дав «ценные указания», кое-чему «подучив» землян, попрощались до лучших времен; в-четвертых... Впрочем, догадок много... Но орловская мысль отличается от них, и прежде всего — своим оптимистическим решением, здоровой жизненной основой, хотя, конечно, это не снимает спорности.

Город со шпильями костелов напомнил герою ракетодром, и он пытается дорисовать картину превращения космических кораблей в краны. Прилетевшие на Землю существа не смогли взлететь снова, помощи им ждать было неоткуда. Оставалось: ждать гибели или попытаться выжить. Но как? Планета — не рай, она таит сотни опасностей.

Чтоб жить на ней, родиться надо заново,
В крови и муках сгинь и вновь родись,
Все потерь. Земля, планета странная,
Все отобрав, оставит только жизнь.

Но что такое для высокоразвитых существ, которые смогли сконструировать межпланетный корабль, «все потерять» и что такое для них «только жизнь»

без привычного уклада, техники, окружения, привычной работы? Где выход? Орлов решает проблему не традиционно, я бы сказал даже, решает ее по-земному:

Все начали с азов владельцы разума,
Костер открыли, собрались в стада,
И все, что было им на ней отказано,
Бесстрашно возродили в час труда.

Поэт уверен, что труд помог им избежать исчезновения, превратил их в нас. Труд помог им преодолеть стихию, тяготы. Высокий пафос этого стихотворения выражен по-орловски просто, все тем же любимым ямбом.

Говоря о фронтовой военной лирике поэта, критик Л. Аннинский писал: «Поэзия Орлова так и осознавала себя — как поэзия простого опыта — в пику поэзии «слов», «строк», «тем» и «символов»... Что там «вселенная» и всяческие поэтические условности: «пять машин КВ ушло в атаку» — вот вся правда, простая и исчерпывающая». Однако и фронтовая, и послевоенная, и вся последующая лирика С. Орлова просто наполнена до краев размышлениями о Вселенной, словно эта самая Вселенная — его родная семья. Причем Вселенная не только в астрономическом смысле, так называемая Метагалактика, но и Вселенная — как бесконечно разнообразные формы материи. Другое дело, что поэт из обилия сведений о космосе использовал в своем творчестве только ту их часть, которую считал, во-первых, близкой к своим личным убеждениям, во-вторых, доступной и интересной другим. Вряд ли С. Орлов не был знаком с гипотезами Канта и Лапласа, работами А. Камерона, вряд ли не были ему известны названия таких космодромов, как Байконур, Уоллопс, Канаверал...

Его интересовал человек во Вселенной и вселенная в человеке, их взаимосвязь, взаимоотношения.

«Слово о Циолковском», впервые увидевшее свет

в «Ленинградской правде» (20 мая 1962 г.), стало, на мой взгляд, одной из тех работ С. Орлова, в которой он сумел наиболее полно выразить свои убеждения, взгляды на «космическую тему».

«Я заявляю, господа,
Настанет время, несомненно, —
С земли межзвездные суда
Нас понесут во глубь Вселенной.
Как в колыбели человек
Рожден Землей, но, в самом деле,
Кто заявил, что он навек
Остаться должен в колыбели?»

Это речь «в четверг в собрании дворянском» калужского ученого Циолковского, который «один — и не в Калуге даже, — во всей Вселенной одинок». Задав свой вопрос, Циолковский может только теоретически ответить на него, он еще лишь

...цифры пишет на бумаге
Склонясь, не подымая век,
Брат Галилея, Тихо Браге
И Брат Ньютона, человек,
Еще непонятый, безвестный...

Автор не только на стороне своего героя, он активно на его стороне, и поэтому вслед за теорией — практика: первые взлеты, ракеты. Доказательство делом. Утверждение истины. Потому что «не может разум согласиться На одиночество Земли», потому что космос будет побежден и будет петь

...народ московский,
Самой Вселенной одержим,
Как будто стал он Циолковским...

Претворение в действительность самых, казалось бы, фантастических проектов, утверждение мысли о том, что нет ничего невозможного для человека, — идея

«Слова о Циолковском», которая произывает все произведение. Ведь и сам поэт многим казался таким мечтателем, фантазером.

Говоря о том, что «в XX веке... Вселенная стала местом деятельности человека в такой степени, что о земных делах можно судить объемно и перспективно, обратив взоры на небесные выси, хотя времена астрологов и гороскопов давно прошли», С. Орлов не забывает обратить внимание на то, что «капитализм атомным взрывом над Хиросимой потряс сознание людей трагической картиной возможной гибели земли в любой момент». Однако и здесь поэт настроен оптимистически. «Разум может быть бессмертным... народы, населяющие землю, становятся мудрее, видят яснее и дальше. Их уже не обольществи дурманящей демагогией...»

Слова эти прозвучали в 1962 году. Но разве не актуальны они и по сей день? Более того — не стали ли они еще актуальней?..

Как верит лирический герой «Слова о кораблях», что,

Словно солнечный парус, Земля
Будет так же лететь, сквозная,
С человечеством у руля,

так и сам автор уверен был в том, что человечество не может кануть в Лету, не пройдет бесследно. Он не ошибся.

И мы, как искры в этом грозном,
Рвуем пламени летим,
К потомкам, к будущему, к звездам,
И наш полет необратим.

Заступник (Вместо послесловия)

Умереть за друга при каких-нибудь исключительных обстоятельствах менее возвышенно, чем ежедневно и втайне жертвовать собой ради него.

Стендаль

Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться — истину надо искать.

М. М. Пришвин

«Заступать» — заслонять собою, ограждать, оборонять, защищать. И отсюда уже «заступник» — защитник, покровитель. И далее — «заступчивый» — заступающийся за других (по словарю В. И. Даля).

Сергей Орлов всю свою жизнь был заступником. Защищал от врага Родину; боролся за чистоту поэзии; не давал в обиду друзей; приходил на помощь молодым и неуверенным в себе.

«По заступке и спасибо», — говорят в народе. Благодарностей Орлов не любил, но и по сей день десятки тех, с кем работал он, дружил, вспоминают его добрым словом, и в разговоре обязательно всплывает очередная его «заступка» за кого-то: сколько же их было? Впрочем, доброта учету не поддается. На сей счет есть другая народная же мудрость: «Заступное дело святое». И уж коль уверен в своей правоте — до конца борись. Сергей Орлов обязанностью своей считал не допускать несправедливости ни в каком ее виде и ни под каким предлогом. Вот уже сколько лет прошло, как его нет, а в разговоре, даже недолгом, рабочем, и Н. Доризо, и А. Алексин, и А. Смольников, и Ю. Воронов, и многие другие из знавших поэта говорят

о его работоспособности: читал, звонил, писал, выяснял, добивался до тех пор, пока не убеждался — по-мог, не позволил незаслуженно обидеть человека.

Коль уж мы вспомнили две народные мудрости, вспомним и третью. Давнее присловье, а в каждом возрасте по-новому понимается: «Есть дружок, есть заступничек». Всяко можно толковать: в молодости — воедино сливая и дружка, и заступничка; по зрелости — противопоставляя их: мол, дружок дружком, но есть и заступничек; дружок для веселья, заступничек — для покоя.

Сергей Орлов был заступником.

Впрочем, слово «был» относится к нему только как к человеку — все мы, увы, не вечны. А как поэт, как общественный деятель — он заступником остался и по сей день: достаточно прочитать его статьи, выступления в газетах, его стихи.

«Бесконечные поездки по областям и краям, подготовка докладов требовали огромного времени, особенно если учесть, что Сергей Орлов не позволял себе, да и просто не умел ничего делать наспех, кое-как, — все с полной отдачей... В Ленинграде он избирался депутатом горсовета, работал в редколлегии журнала «Нева», был членом правления Союза писателей. Будучи избран секретарем правления Союза писателей РСФСР, Сергей Орлов переезжает в Москву, и здесь его творческий опыт и чувство ответственности полной мерой служили делу развития многонациональной советской литературы. Эти же качества его очень пригодились и для работы в комитете по Ленинским и Государственным премиям» (В. Оботуров).

«Однажды у нас возник разговор об Ольге Фокиной, которую Орлов высоко ставил как представительницу следующего за его собственным поколения поэтов. Фокина не скрывает своей любви к деревне. Деревня для нее — не только место рождения, но и источник вдохновения, поддержки» (Д. Хренков).

«Сергей переехал в Москву и стал секретарем Российской писательской организации. Отношения наши вошли в нормальное русло еще задолго до того. Он был прав: как могли конфликтовать мы, когда теперь уже на наши плечи легла обязанность воспитания молодой смены литераторов, людей с разными характерами, порой и легко ранимых» (Арк. Минчковский).

«Это сердце умело заботиться только о других. Так уж оно было устроено, это сердце. Великое сердце» (М. Дудин).

«Я внимательно читаю материалы дискуссии в «Литературной газете», идущие под рубрикой «Человек будущего. Каков он?», и все чаще ловлю себя на мысли: человек этот будет таким, каким уже был Сергей Орлов... Хочу упомянуть еще об одной благородной черте Орлова — о всегда открытой поддержке друзей, о помощи им, ограждении от несправедливой критики и нападков. Было у него какое-то острое чутье на хороших людей — человек нечестный, какие бы посты он ни занимал, долго в близком окружении Сергея Орлова не задерживался.

Иногда после резких прямых выступлений поэта против несправедливых обид, наносимых товарищу, слышались реплики: Орлов не может, мол, в данном случае быть объективным, поскольку речь идет о его личном друге.

Орлов отвечал на это, что право и обязанность выступить так и дает ему именно то обстоятельство, что никто не знает человека лучше и всесторонней, чем настоящий друг, и он не допускает даже мысли о своем невмешательстве, иначе какие же они друзья» (Б. Пидемский).

Это — всего лишь малая толика из того, что писали и говорили о поэте люди, знавшие его многие годы. Но, читая выступления самого Орлова, понимаешь, что главным делом он считал защиту Поэзии от обмельча-

ния, разбавления ее «стишками». Внимательно и пристально следя за литературным процессом, поэт сразу же откликается на спорные вопросы, словно сознавая, что по законам высшей справедливости доброе дело не может остаться незамеченным, а доброе слово — не услышанным. В свое время, когда раздавались возгласы о том, что поэты, мол, больше пишут о войне, чем о жизни тыла и стройках, С. Орлов взял на себя труд внести ясность в этот вопрос, сказать, как он его понимает: «Критика, характеризуя творчество поэтов первого послевоенного поколения, пишет, что это поэты, детство которых опалила война, и на том ставит точку, не пытаясь шире прочесть эти стихи и сформулировать далее то, что, в общем, ясно и видно, но почему-то не произнесено вслух, не напечатано в печати. Поэты первого послевоенного поколения написали пронзительные обжигающие стихи о жизни во время Великой Отечественной войны в тылу.

У Олега Шестинского и Юрия Воронова это блокадный Ленинград — где было подчас тяжелей, чем на фронте. У Ольги Фокиной и Николая Благова — это колхозные села и поля, и образы самых близких людей, матерей, деливших военный хлеб на две неравные части — большую для фронта, меньшую для детей, не оставляя себе почти ничего. Написаны эти образы с не меньшей силой и чистотой, чем у самых талантливых их сверстников-прозаиков. У Глеба Горбовского и Анатолия Жигулина это горестные прифронтовые дологи в слезах и золе. У Игоря Шкляревского сиротское детство в детдомах, у Евгения Евтушенко и Роберта Рождественского это военная Сибирь. Стихи написали не дети, а поэты. Они создали в лирике картины советского тыла в Великой Отечественной войне, запечатлели его немеркнущий дух в подробностях неповторимых и точных. Это прекрасные страницы советской лирики по выразительности, по чистоте художественной правды и гражданской честности. Они достойны

той лирики, которую создала советская поэзия о фронте».

Эти слова поддержали в то время не только конкретных поэтов, они позволили шире взглянуть на всю российскую поэтическую палитру, помогли оценить целое направление, работу, проделанную поколением стихотворцев. Отдавая себе отчет в том, что значит выступление авторитетного лица, имеющего не только славу, но и облеченного должностями и званиями, С. Орлов прибегал к подобным выступлениям лишь тогда, когда чувствовал, что необходимо *заступничество*. За словом у него всегда стояло дело. Того же требовал и от других. Не потому ли в поэта верили, знали его творчество, принимали как своего, близкого, что видели в нем конкретного защитника, помощника? Владимир Коробов, побывав на Орловских чтениях в Белозерске, записал по возвращении: «Белозерская земля знает, помнит и чтит своих сынов! Не найдете вы в этом краю человека, которому было бы неизвестно имя Сергея Орлова, и не только потому, что в Белозерске одна из улиц названа его именем, а на школе, где учился поэт, висит мемориальная доска. Зайдите в райком партии, дождитесь свободной минутки у Юрия Александровича Прилежаева и Ивана Игнатьевича Бузина—секретарей Белозерского райкома, спросите их об Орлове. И, если не праздное любопытство влекло вас, вы услышите от этих добрых и отзывчивых людей удивительные рассказы о поэте, они прочитают вам наизусть многие его стихи, которые чувствуют и понимают удивительно проникновенно и верно».

В эпиграфе этой главы есть слова о правде. С. Орлов немало страниц посвятил ей, ибо видел ее во всем, и она была для него самой жизнью.

Россия есть у каждого своя:

Свои леса в ней и свои поляны,

Свои враги в ней и свои друзья,

Свои у всех на будущее планы.

Но черный хлеб ее — у всех один,
Насущный хлеб, что Правдою зовется.
Не все им сыты. Только все едим.
Его хватает нам и остается.

Кто скажет, что он всегда сладок и мягок, этот насущный хлеб истины, что он легко достается? Но все прочие хлеба не насытят душу поэта, если не будет этого, главного, основного — Правды. И Орлов старался следовать ей во всем, хотя это было хлопотно, накладно, требовало сил, энергии, времени, нервов. И вот уже появляются стихи, призывающие к защите природы — после того, как было говорено и переговорено о сохранении лесов:

Леса уходят. Жалко мне леса.
Уходят ели, сосны и березы,
Рябины гасят пламенные гроздья,
Осинников смолкают голоса.

Когда-то жили в тех лесах дубы,
И ясени, и золотые клены.
Куда им деться от такой судьбы —
Лес вырубают, океан зеленый.

Я был в Европе, там леса хранят,
Стоят, пронумерованы, деревья,
И ни соринки на земле, и в ряд
Приглаженные тянутся коренья.

И, может, можно сохранить леса,
А не деревьев ценные породы?
Леса поют и плачут, как народы,
На все свои живые голоса.

С первого взгляда — проблема ли? Да и защита ли это в чистом ее виде? К тому же — стоило ли низводить поэзию до публицистичности по сему поводу?

Проблема. Защита. Стоило. Это я окончательно понял, когда впритык столкнулся с проблемой сохранения лесов. Правда, произошло это спустя двадцать лет после того, как было опубликовано приведенное выше стихотворение С. Орлова. Но сей срок только подтверждает факт, что поэт одним из первых поднимал острые вопросы, привлекая к ним внимание общественности. Помню, с какой болью пришедший ко мне, как к редактору отдела журнала, лесовед А. Лисеев рассказывал о том, что «не существует даже нетронутых лесов ни в Вологодской, ни в Новгородской, ни в Свердловской областях. Напрасно искали их в Никольском, Кичменско-Городокском, Митинском леспромхозах. Пролетая над столь многолесной некогда Вологодчиной, проезжая на машине, идя пешком, не нашел я ни островка настоящей, дремучей, девственной тайги... Слишком долго брал человек у лесов все, что хотел! Бездумно и беспечно, без всякого плана». В статье, которая затем была журналом опубликована, Лисеев привел десятки цифр, которые невозможно было воспринимать без содрогания. Общественный резонанс — отклики в газетах, читательские письма — показал, что проблема затронула многих, что она не решена, требуется вмешательство, помощь.

Пример этот я привел лишь для того, чтобы наглядно проиллюстрировать свою мысль: темы, за которые брался С. Орлов, никогда не были мелкими, сиюминутными. И речь даже не столько о том, что он любил родную Вологодчину и сердце его за нее болело, сколько о том, что любил он Землю, человечество и понимал, что ущерб наносится невосполнимый. Когда затопили, строя Волго-Балт, родную деревню поэта Мегру, он написал болевое:

Моей деревни больше нету.
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер, —
Теперь ее на свете нет.

.....
Плывут над ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, пароходы,
Планеты стали и стекла.

.....
И я пройду по дну всю пойму,
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню.
Я слышу звон колоколов...

Или эти невеселые строки, возникшие после долгих размышлений:

Мы, дети природы, забыли природу.
Она нам не враг и не друг.
На лоне ее не бываем по году.
А годы — костры на ветру.

Разве это только его личное? И разве не отзвучит его боль в наших сердцах — болью наших, известных нам утрат?

На всю жизнь осталась в Орлове та фронтовая, военная способность не раздумывая приходить на помощь. Как это у Бальзака — «гражданское мужество и военное мужество произрастают из одного начала». Значит, его гражданское мужество было органичным продолжением мужества военного. Иначе жить не умел и не хотел. Стеснительный по природе, он забывал о застенчивости, когда надо было выручать товарища. Был в его биографии даже такой эпизод: один из знакомых Орлова, переоценив свои способности, взобрался на эстраду и стал в микрофон петь. После первых же слов стало ясно: конфуза не избежать, голоса у «певца» нет. Орлов встал с места и быстро пошел к сцене. Через несколько мгновений они пели уже вдвоем, а затем, благодаря призывам Орлова — и весь зал. Когда затем поэт спросили, какая сила заставила его под-

няться на эстраду, он лишь рукой махнул: мол, товарища выручать надо было — мог оконфузиться перед начальством.

О, если бы все жизненные сложности были похожи на эту анекдотичную ситуацию!.. Увы...

Когда речь заходила о поэзии, главном для Орлова деле, он был предельно честен в оценках, мнениях, пожеланиях.

Общезвестна забота Орлова о молодом поколении в поэзии. Он читал горы рукописей, рекомендовал, если это были хорошие стихи, консультировал. На Третьем Всесоюзном совещании молодых писателей руководил семинаром. А его выступление на пленуме СП СССР о том, что мало принимают в Союз писателей молодежь, что «Ленинградская организация состоит из писателей не моложе 30 лет»! Даже с такой высокой трибуны, как съездовская (имею в виду Первый Учредительный съезд писателей Российской Федерации в декабре 1958 года), он, сам пришедший в поэзию двадцатилетним, отстаивает права молодых поэтов на публикации, на равноправное существование в литературе с более старшими поколениями; выступает за то, что единственным мерилom в литературном деле может и должен быть талант, но не возраст и не количество выпущенных книг. «...Идет разговор о возрастном старении Союза писателей и об «омоложении» его. Читателя между тем эта актуальная проблема нисколько не волнует. Ему неважно, лыс или кудряв автор; ставший чем-то вроде звания или клички эпитет «молодой» применительно к поэту важен, пожалуй, только для девушек на литературных вечерах.

Когда же речь заходит об издании книг, мы часто говорим: «Энное количество книг молодых писателей у нас уже включено в план издательства — и этого достаточно». При комплектовании даже бюро секций мы выбираем молодых только как представителей «и от молодежи». Этак, пожалуй, можно выби-

рать представителей и «от женщин», а не просто поэтов по таланту и опыту».

С гордостью Орлов говорит о том, что журнал «Нева», в котором он ведал поэтическим отделом, только в 1958 году опубликовал произведения девятнадцати молодых авторов («это так называемые молодые, которых, если судить по критике, в поэзии не существует... Критика ограничивается разговором только об известных поэтах, имена которых прочно введены в обиход. Широкой литературный процесс остается вне ее поля зрения»).

Разве это не актуально и поныне? Не столько упрек критике, сколько явление само по себе: инертность, инерционность. Не зря об этом было сказано и с трибуны XXVII партийного съезда: «Естественный принцип жизнедеятельности нашего общества — критика и самокритика. Без них нет развития. Литературно-художественной критике пора стряхнуть с себя благодущие и чиновничьи, разъедающие здоровую мораль, памятуя, что критика — дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций».

Сергей Орлов еще в конце пятидесятых годов вложил немало сил не просто в «омоложение» Союза писателей, но и в отыскание, развитие новых талантов. Говоря о том, что только в Ленинграде, где тогда Орлов жил, в Союз писателей принято 26 молодых, особое внимание он все же уделял периферийным поэтам, понимая, что в большом городе сама литературная среда, общение, круг знакомых помогают автору, в глубинке же, тем более в городе без издательства и журнальных редакций, молодой поэт чувствует себя оторванным от литературы. А это противоестественно. «Семинар русских поэтов в Смоленске дал, например, достойное и немалое поколение литературы. Вчера (9 декабря 1958 г. — И. П.) Евгений Долматовский, справедливо говоря о высоких требованиях, которые должны предъявляться к принимаемым в союз, доба-

вил, что за последнее время слишком много принято людей, не соответствующих этим требованиям. Может быть, но все же было бы полезнее назвать имена этих поэтов. В его требовании, как правило, не принимать в Союз писателей авторов с одной книгой есть столичное барство по отношению к талантам на периферии: ведь именно там сейчас наблюдается самый активный приток сил в литературу. Ведь и вы, Евгений Аронович, пришли в нее не автором толстого романа в стихах «Добровольцы», а скорее автором тоненькой первой книжки. Около Пушкина рос «периферийный» поэт Кольцов; целую плеяду писателей воспитали Белинский, Чернышевский, Некрасов. Пусть и около вас растут писатели из Вологды или из Тамбова.

Я хорошо помню Первое Всесоюзное совещание молодых, так как сам был его участником. В те годы было значительно меньше литературных журналов, меньше возможности печататься, и поэты привозили с собой чаще всего только рукописи.

Сейчас в Сибири и на Урале, в центре и на юге России выходят журналы. Сейчас не обязательно ждать нового пополнения в литературу от совещания до совещания. Журналы со стихами приходят на дом к критикам, получают их и редакции газет. Надо думать о новых естественных формах работы с молодежью; Союз писателей должен держать руку на пульсе поэзии. Чего проще, казалось бы, делать ежемесячные обзоры поэтических отделов журналов на страницах наших литературных газет. Но даже этого у нас нет».

Сергей Орлов был заступником. И это старое, к сожалению, уже почти забытое нами теперь слово подходило к нему как никакое другое. Заступничество стало для него состоянием души, необходимой частью жизни. Сокрушаясь на съезде о том, что у нас нет даже «ежемесячных обзоров поэтических отделов журналов», он развивает и проводит эту мысль в нескольких стать-

ях, в частности в статье «День нынешний...»: «Мы почти забыли времена, когда в печати регулярно появлялись обзоры поэтических отделов очередных номеров литературно-художественных журналов, когда критики рассматривали поэзию даже за полгода или за год, когда (подумать только!) печатались статьи с широким охватом современной поэзии, написанные за обыкновенным письменным столом, в обыкновенных творческих муках с поисками не только истины, но слова и образа.

Ныне обзоры поэтических отделов журналов не пишутся. О поэзии чаще всего лишь говорят за круглым столом, беседуют или дают интервью. Круглые столы, как известно, углов не имеют».

В свое время, когда я риснул, прочитав эти строки впервые, написать обзор поэтических отделов российских журналов за год, начал его именно этими строками Орлова. Читательская почта — явление, надо признать, загадочное, так как ее невозможно прогнозировать, — откликнулась на давнее замечание поэта, поступили предложения продолжать обзоры. Значит, заступничество — это не только конкретная помощь данному человеку в определенное время, но и то, что вызывает подобные импульсы и толкает на подобный шаг других спустя многие годы? Развиваясь, со временем оно накапливает заряд и с новой силой идет в бой во имя добра — именно так повели себя орловские слова о поэзии, его, ставшие уже знаменитыми, статьи о «физиках и лириках»: «Читая стихи товарищей», «Север — край поэтический», «С подлинным верно» и все остальные, вошедшие в книгу статей «Наедине с собою». Книгу, которую по праву можно назвать не прозой поэта, как это теперь принято делать, но — доброжелательной, заинтересованной критикой человека, кровно переживающего за состояние дел в родном доме, имя которому — Поэзия.

«Что же говорит критика о поэзии? Главное можно

сформулировать так: критика опечалена состоянием современной поэзии; она считает, что поэзия отстает от современной прозы, успехи которой несомненны, поскольку проза радует читателя появлением новых имен и новых талантливых произведений.

Новых ярких имен в поэзии в последнее время действительно не появилось. Но отстает ли поэзия от прозы, вопрос, на мой взгляд, странный, сказать точнее, суетный вопрос. Как сказал Пушкин, «можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды». Поэзия не может отставать от чего-либо, кроме поэзии, да и то не по сути своей, а по масштабам, темпераменту, по идейности и широте звучания».

Как видим, Орлова никогда не оставлял равнодушным разговор о поэзии, о литературе, ибо он чувствовал свою личную, персональную ответственность за литературу. Защищая поэзию от нападок, он тем не менее никогда не закрывал глаза на недостатки, признавал их, критиковал сам, но при этом всегда старался выяснить причины, корни, помочь советом. Не потому ли он был большим поэтом, что был большим человеком — с широкой, доброй душой, огромным запасом знаний, со страстным желанием сделать мир и людей лучше, чище, выше. Не стоит думать, что заступничество Орлова — это всего лишь стремление быть или казаться добреньким для всех. Нет, это не так. Защищая конкретных поэтов, он выдвигает и конкретные задачи, требования. Вслушайтесь: «Я знаю, что в Ленинграде его (Ярослава Смелякова. — *И. П.*) книг нет. Но мне также известно, что 15 тысяч экземпляров его книги лежат на складах Книготорга. Известно и имя поэта Александра Решетова. Книготорг и в этом случае держит на складах значительную часть тиража, действуя по принципу: «Сам не ем и другим не дам». Я не думаю, что за последние годы в народе упал интерес к поэзии. Нигде в мире стихи не печатаются в газетах, как у нас. Оно и понятно. Нигде в капиталистическом

мире нет такой поэзии, как у нас, близкой и нужной широким массам».

И тут же, в этой же речи — о борьбе за чистоту русского языка в поэзии. В этом он видит даже одну из целей создания Союза писателей РСФСР: «Еще немало печатается стихов, в которых утрачена и снижается красота и самобытность русского языка. Содержание — это борьба с псевдопоэтическими описаниями красот природы, которыми мы сейчас занимаемся немало, забывая, что истинная красота, волнующая читателя, лежит в области поэзии человеческих отношений. Содержание — это борьба за высокую идейность и оптимистичность поэзии. Наступательно-оптимистический настрой русской поэзии определился не сегодня, он проверен временем. На знамени ее начертано гениальной рукой Пушкина: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!»

Когда-то, может, восемь лет назад, а может, и десять, я услышал стихотворение, удивившее меня прежде всего тем, что оно сразу запомнилось. А потом, после второго прослушивания, удивившее своею легкостью. И потом, в третий раз, когда я записывал его в тетрадку, удивившее еще раз — своею серьезностью. Это вторая из «Двух притч» (первая — «Заведи себе врага...», вторая — «Не имей сто рублей...»):

Не имей сто рублей...
Слава богу, не имеем.
Словно снега в Дагомее
В дымной сутолоке дней
Не имеем ста рублей...
Рано утром бьют звонки.
Двери настезь. Ставим чайник.
Заходите, мужики,
Где вас черти укачали?
Если нам бы сто рублей,
Мы бы вас опохмелили...

День встает в красе и силе
Городов, лесов, полей.
Рыжий, взорванный ветрами,
Весь ломаясь от новостей,
День с друзьями, как с дарами...
Не имей сто рублей...

На мой взгляд, удивительное, чисто орловское стихотворение, в котором мысль оживлена чувством; которое несет в себе состояние человека, даже более того — в какой-то мере и миропонимание: герой предпочитает общение с друзьями материальным благам. В этом был весь Орлов. Притчи «Не имей сто рублей» и «В тесноте, да не в обиде» он видел в одном ряду, ибо обе они подтверждали проповедуемую им мысль о том, что самое прочное в жизни — дружба. Размышляя над сущностью этого чувства, поэт приходит к странной на первый взгляд ассоциативности:

Враг не может предать, как друг.
Видно, в гору пошла дорога,
Коль сужается дружбы круг,
А врагов остается много.

На самом деле, странность тут только внешняя — поэт показывает такое явление («в гору пошла дорога»), как власть. Известно, что, приобретая власть, мы теряем друзей. Но это тема отдельного разговора. Мне кажется, стихотворение, из которого приведены цитированные выше строки, скорее умозрительно, нежели лично. Друзей С. Орлов имел много, умел их беречь.

Потому что был заступником.

Не мог им не быть.

Не умел.

Давайте еще раз вчитаемся в его статью «День нынешний»: «Стихов в наше время пишется и печатается очень много; что же касается поэзии, то ее никогда

не бывает слишком много. Поэзии всегда не хватает». Строго? Да, строго. И дальше — столь же строго и сдержанно, но недвусмысленно положительно, с одобрением — о стихах фронтового поколения: «Талант, мастерство, оригинальность мышления — самобытность каждого из поэтов фронтового поколения, непохожесть друг на друга, разность стилей — вот то остальное, на что необходимо было бы почаще обращать внимание в рассуждениях о поэзии фронтового поколения» (выделено мною. — И. П.). И здесь же — конкретные примеры. Характеристики, которые С. Орлов дает книгам поэтов-фронтовиков, сами по себе поэтичны. Да, он был пристрастным — но какой же поэт лишен пристрастий? «Так, в книге «Окопная звезда» поэзия Юлии Друниной сходна с графикой и гравюрой... В книге Бориса Слуцкого «Продленный полдень» стих предельно заземленный... У Леонида Решетникова в книге «Благодарение» эмоциональную выразительность стиха определяют интонация, песенный лиризм строки, образы и метафоры, лишенные резкости, писанные как бы акварельными красками...»

А впрочем, так ли уж точно в данном случае слово «пристрастность»? Может быть, это называется по-иному? Например, безукоризненный вкус. Или — вера в свое поколение. Ведь о произведениях своих ровесников С. Орлов пишет не потому, что они его знакомцы и друзья, а потому, что в этих произведениях «личная судьба... соотносится с судьбой народной в одном масштабе, измеряется единой мерой. И нет в этой общей глубокой оценке в точной мере ни рисовки, ни уничижения, паче гордости, а есть органичное, естественное ощущение гражданского долга и хода истории, выраженного каждым поэтом по-своему».

Снова — о Поэзии. Так у Орлова всегда: начинает о друзьях, о природе, о космосе, а все словно само по себе сводится на дела литературные — на главное дело жизни. Говоря о Евгении Евтушенко, Владимире Цы-

бине, Андрее Вознесенском, Ольге Фокиной, Глебе Горбовском, Валентине Сорокине, Римме Казаковой, Юрии Кузнецове и многих других поэтах, он заботится прежде всего о том, чтобы, знакомясь с их творчеством, можно было «широко и объемно ощутить и представить глубину и разнообразие русской лирики».

А сама по себе тема, в которой работал и он, и все его поколение, — разве она не помнит его заступничества? Хотя бы давнее выступление на собрании ленинградских писателей в дни подготовки ко Второму Всесоюзному съезду писателей, где Орлов заявил: «Люди, не лежавшие в окопах, никогда не расскажут того, что видели мы, а мы видели героический подвиг советского солдата вблизи. Мы ответственны за изображение этого подвига в поэзии. Тема, которая воспевает мужество, долг и патриотизм, актуальна всегда, она помогает людям в дни мирного строительства не меньше, чем любая другая тема, если в ней сверкают живые краски поэзии, если она сделана мастерски».

Ценность заступничества Сергея Орлова, когда речь идет о поэзии вообще и о творчестве поэтов-фронтовиков в частности, заключается еще и в том, что оно, это заступничество, было постоянным, непрерывным. Как-то в рецензии на книгу Расула Гамзатова «Высокие звезды» Орлов, обронив «Я люблю поэзию Гамзатова», тут же, словно боясь быть недопонятым, стал страстно пояснять: «Может быть, слово «люблю» неуместно в статье. Критики как-то обходятся без него даже тогда, когда хвалят стихи. Но я не могу удержаться от него. Поэзия — это тоже любовь. Любовь к родному краю, к людям, к жизни, воплощенная в прекрасные формы, свойственные только поэзии».

Не этой ли любовью освещено и его отношение к фронтовому поколению? Он считал себя не только частью его, но и его защитником.

Заступником.

Не было случая, чтобы Орлов пропустил мимо ушей высказывание о том, что фронтовики свое дело сделали, что пора бы им освободить место для молодежи. Считая военное поколение стержневым, самым стойким, выдержанным и сильным, он не оправдывался, а жестко, логично расставлял все на свои места. В 1965 году, на Втором съезде писателей РСФСР, упомянув, что «про военное поколение вроде бы и забыли. То ли кое-кому показалось, что нас — поэтов военного поколения, уже нет, то ли кто-то решил, что нам захотелось отсидеться в тиши», Орлов построил свой ответ четко, аргументированно: «Давайте окинем взором гребни некоторых волн, которые были шумны и высоки не так давно. Критика то была в литавры и трубила в трубы, то хваталась за свистки, заливаясь длинными трелями, как милиция под светофорами. Я... не собираюсь поучать или охавать наше молодое поэтическое поколение. Но я должен продолжить то, что начал. Короче, обстановка в поэзии сложилась такая, что зачастую откровенная пошлятина стала вводиться в ранг лирики.

И вот тогда прозвучал голос поэтов военного поколения.

Марк Максимов в соавторстве с Ярославом Смеляковым выступили в «Известиях» со статьей «Осторожно — мещанство!». Юлия Друнина сказала свое прямо-таки неженское слово о поэзии эстрады и поэзии трибуны. Против графоманства и легкого отношения к тяжелой нашей работе в «Комсомольской правде» напечатал статью Александр Межигор. Вышла из печати серьезная и глубоко личная и потому атакующая книга Михаила Луконина «Товарищ поэзия». Прозвучали статьи Сергея Наровчатова... Они возвращают в практику литературной жизни понятие критерия, без которого невозможно ни осмысливать, ни утверждать ценности в их реальной стоимости...»

Чем иным, если не заступничеством, не желанием

торжества истины, предиктованы были душе поэта эти слова?

Видимо, такому явлению, как заступничество, подвластен закон обратного воздействия. Не знаю, существует ли такой закон, но для себя я сформулировал его так: если ты делаешь доброе дело, то ты увеличиваешь этим общий уровень доброты в мире, а значит, и к тебе отнесутся с большей доброю, нежели еще вчера. Делай добро, и тебе воздастся.

Если ты — защитник, то защищенные тобою — твои защитники.

Пример Сергея Орлова еще раз подтвердил это. Огромная почта, которую он получал, содержала в себе различные по содержанию и настроению письма — некоторыми из них мы уже знакомы в нашей книге. Но большая их часть — это письма-благодарности. Добрые письма. Заряженные доброю, которая наполнила души читателей после прочтения стихов поэта. Вот он — закон обратного воздействия.

Из многих я выбираю письмо читателя М. Соловьева из Архангельска. Почему именно его? Судя по приписке, Михаил Матвеевич — полковник запаса. Кому, как не ему, кадровому военному, поделиться своим восприятием творчества поэта-танкиста, поэта-фронтовика?

«Примите горячую благодарность за новую книгу стихов «Белое озеро», за радость и счастье, которые она приносит. С большим волнением читал и перечитывал я стихи о жизни фронтовой. Они воскресили в памяти, казалось, совсем забытые переживания тех далеких, опаленных боями и пожарами войны, дней. Поразило своей простотой стихотворение

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин КВ ушло в атаку.
Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.

. . . . .

О мужестве танкистов, их преданности долгу, тех качествах, о которых принято говорить возвышенно-громкими словами, здесь — почти шепотом, и оттого западают они глубоко в сердце...

Широкую известность получило Ваше стихотворение «Его зарыли в шар земной». Можно ли сказать о солдатском подвиге лучше — не знаю.

Чувство глубокой радости я вновь переживал, читая и перечитывая стихи о Дне Победы, возвращении на родину, встречах с родными, друзьями... Они воскрешают в памяти фронтовые дороги от Харькова до Австрии, которые я прошел разведчиком, а затем комсоргом батальона воздушно-десантной дивизии.

Помню, как рано поседевшие, усатые гвардейцы обнимались со слезами на глазах, палили из всех видов оружия, кричали «Ура, Победа!». Ваши стихи воскресили в памяти те дни безмерного счастья, счастья Победы, и вместе с тем они напомнили о том, что

Самые смелые солдаты
Были те, что не пришли домой
В День Победы, в мае, в сорок пятом...

Ваши стихи воссоздают яркую и величественную панораму Великой Отечественной войны. Они сохраняются как память о мужестве павших, как призыв к борьбе за мир. Спасибо Вам за это... В Ваших стихах — твердая позиция бойца... Они зовут к «разумному, доброму, вечному». Прочитав их, хочется стать лучше, творить, дерзать...

Спасибо Вам, Сергей Сергеевич, за Ваши стихи. Желаю успехов в Вашем нелегком труде.

Полковник запаса М. Соловьев.
г. Архангельск».

Разные бывают письма. Это — почти готовая рецензия на книгу. Другие — полуграмотные, но настолько

чистые, искренние и живые, что глаз не замечает ошибок. Сколько их В. С. Орлова передала в музей Орлова! Вероятно, потому и писали ему совсем неизвестные люди — писали как родному, как своему, — что душа чувствовала в нем заступника, помощника, советчика.

Он многое сделал для литературы уже одним тем, что писал стихи. Но только этого ему было недостаточно. Когда душа болит — ей мало славы, уговоров, лекарств — она излечивает себя лишь делом, лишь поступком. Иначе ее боль неувядаема и изнурительна. Основным, гласным, по мнению многих и многих, знавших его, поступком для Орлова и было заступничество, — как реализовавшееся движение его широкой, доброй, честной души.

Говорят, чужая душа — потемки. Никак не могу применить эти слова к Сергею Орлову — не получается, все кажется, что его душа была распахнута, на виду и потому в ней было много света. Так много, что он доходит до нас и по сей день.

...К чему оно так часто вспоминается, это орловское стихотворение начала семидесятых «Узнал я, право где и лево...»? Лишь сейчас, размышляя о заступничестве, понял, к чему: заботясь о десятках чужих, в сущности, людей, защищая их и им помогая, сам он, поэт Сергей Орлов, никогда не окружал себя забором недоступности, не создавал барьера из должностей и званий, который оградил бы его от невзгод. Оставался скромным, застенчивым, надеялся на свои руки и свою голову, очень много работал и не считал себя выше, заслуженнее других.

Узнал я, право где и лево,
Где бог, а также где порог,
И цену пороху и хлебу
Давно усвоил назубок.

Но не пошла мне впрок наука
И грустный не помог урок, —
Я принимал врага за друга
И ошибался, сколько мог.

Ни перед кем не виноватый,
Не сват кому-то и не брат,
С корявым рылом бородастый
Опять в калашный лезу ряд.

Зачем? Не знаю сам ответа.
Иду, потрепан, бит и мят.
Такая выпала планета,
А ей ведь в зубы не глядят.

Это одно из тех стихотворений, которым комментарию только вредят. Здесь все на месте, все ясно, все — из души в душу. Удивительное дело: сколько раз читал его вслух — друзьям, знакомым и вовсе неизвестным людям; сколько раз повторял про себя — не счесть. А оно все читается и читается, и каждый раз — по-новому, по-своему.

...За полгода до смерти, в апреле 1977-го, Орлов написал небольшое, в шестнадцать строк, стихотворение, которое по прочтении оставляет в душе чувство смутной тревоги: словно находишься на палубе корабля, готовящегося выйти в штормовое море. Не знаю, в чем тут дело, но мне оно постоянно напоминает одно из самых острых переживаний: серо-фиолетовый Тихий океан и наш корабль, над которым зависла огромная, двадцатиметровой высоты, волна. Сложное ощущение борьбы и выживания, падения и взлета, надежды и крушения, очищения и тревоги...

Всю ночь ревел в бухте море,
Шли волны, словно поезда,
И, одинокая, в просторе
Мерцала, как маяк, звезда.

А может быть, патрульный катер
Меж волн взлетал и падал вниз —
На вахте в заданном квадрате
Вел поиск, несмотря на риск.

А море в берег било, било,
Как будто колокол во мгле —
И потому тревожно было
Всю ночь до света на Земле.

И не уснуть под этот грохот,
И бодрствовать невмочь уже...
А может, это ты, эпоха,
Всю ночь звучишь в моей душе?..

...Во время того штормового перехода, с немалыми трудами добираясь до каюты, в которой незакрепленные вещи сталкивались друг с другом, я осторожно приподнимал металлическую трубку, наглухо прижавшую книги к полке, брал в руки толстый желтый том «Белого озера», снова «стопорил» книги и ложился читать. Сборник был уже порядком истрепан, и по состоянию страниц можно было определить, что нравились морякам больше, что меньше. Неужели и тогда, практически не нуждавшиеся, как и все двадцатилетние, в заступничестве, мы подспудно, интуитивно чувствовали в его стихах силу, способную сообщить нашим душам твердость, решительность, жизнестойкость?

Тот, местами зачитанный, со множеством пометок, с чудом сохранившейся синей пластинкой, том «Белого озера» и сейчас передо мною. Кто-то в прощальной спешке написал на форзаце «Не имей сто рублей...» и указал страницу — 572. Слава богу, не имею — отвечаю сам себе орловской же строкой и чувствую, как легко и свободно становится дышать. Оттого ли, что молодые годы вспомнились? Или оттого, что хорошие строки еще раз повторились? А может, просто повезло;

знакомство с добрым поэтом Сергеем Орловым совпало и с молодостью, и с морем, и с дружбой?..

Вхожу в свой домашний кабинет, и среди множества книг безошибочно взгляд отыскивает десяток разноформатных сборников, на корешках которых значится знакомое — Сергей Орлов.

Когда что-то вновь не заладится в жизни, когда душа чем-то смущена станет, потеряет покой и замечется в неведении — рука сама потянется к этой полке, потянется к заступнику, который не раз уже выручал, потому что всегда оставался полпредом Поэзии.

Иван Алексеевич Панкеев

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

Редактор	ИБ № 5566
В. М. Курганова	Сдано в набор 15.03.88. Подп. в
Художественный редактор	печатать 05.10.88. А08750. Формат
Н. Д. Викторова	70×90 ^{1/32} . Бумага тип. № 1. Гарни-
Технический редактор	тура школьная. Печать высокая.
Е. В. Кузьмина	Усл. печ. л. 5,85. Усл. кр.-отт. 6,00.
Корректор	Уч.-изд. л. 7,24. Тираж 10 000 экз.
Л. В. Конкина	Заказ 388. Цена 30 к. Изд. инд.
	ЛХ-260

Ордена „Знак Почета“ издательство „Советская Россия“ Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 186750, Сортавала, ул. Карельская, 42.